

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

Артоболовский С.С. (Москва)
Шувалов В.Е. (Москва)
Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Алексеев А.И. (Москва), Бакланов П.Я.
(Владивосток), Вишневский А.Г. (Моск-
ва), Лентц С. (Германия), Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург), Касимов Н.С. (Москва),
Колосов В.А. (Москва), Лаппо Г.М. (Моск-
ва), Мироненко Н.С. (Москва), Пирожник
И.И. (Беларусь), Сэлноу Дж. (Великобри-
тания), Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

Белозеров В.С. (Ставрополь), Бильчак
В.С. (Калининград), Вардомский Л.Б.
(Москва), Воробьева О.Д. (Москва), Ко-
валев Ю.П. (Смоленск), Кочуров Б.И.
(Москва), Мажар Л.Ю. (Смоленск), Регент
Т.М. (Москва), Родионова И.А. (Москва),
Рудский В.В. (Смоленск), Смирнягин Л.В.
(Москва), Ткаченко А.А. (Тверь), Шары-
гин М.Д. (Пермь), М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 18.04.08 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 500 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 6 раз в год

№ 2 (17), 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	3
Пикулин А.Ю. Лимитрофы как межцивилизационные пространства.....	3
Pikulin A.Yu. Limitrophs as intercivilized spaces	3
Шведов В.Г. Типология исторических политико-географических районов по принципу их структурной организации	8
Shvedov V.G. The types of historical politico-geographical regions upon dependence on their inner structural construction is analyzed	8
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	13
Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области)	13
Makhrova A.G. The organized cottage settlements: new type of settlements (on the example of the Moscow area)	13
Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской области)	21
Mkrтчan N.V. A major siberian center facing the threat of depopulation (case-study of irkutzk agglomeration)	21
Яковлева С.И. Рекреационное освоение межстоличного региона как процесс укрепления гидрографической оси расселения (на примере Тверской области)	39
Jakovleva S.I. Recreational development of intercapital region as a process of strengthening of the hydrographic axis of moving (by the example of the Tver area)	39
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	46
Пименова Р.А. Политико-экономические изменения в странах Латинской Америки в начале XXI века	46
Pimenova R.A. Politico-economical changes in the countries of Latin America in the beginning of XXI century	46
Часовский В.И. Поляризованное развитие и территориальная организация промышленности стран СНГ: современное состояние и тенденции развития	52
Chasovskiy W.I. The polarized development and the territorial organization of the industry in the countries CIS: a modern condition and tendencies of its development	52
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	64

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Ю. Пикулин
(г. Москва)

ЛИМИТРОФЫ КАК МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Pikulin A.Yu.

LIMITROPHS AS INTERCIVILIZED SPACES

The author examines in geocultural, geostrategic, geoeconomic aspects the questions of formation and development of the limitrophs, as special intercivilized regions.

В научный оборот введено множество терминов, в основе которых обязательно присутствует слово “цивилизация”: техногенная цивилизация, информационная цивилизация, антропогенная цивилизация, западная цивилизация, российская цивилизация, евро-атлантическая цивилизация, исламская цивилизация и другие всевозможные сочетания.

Современная мировая цивилизация представляет собой совокупность духовных и материальных ценностей, составляющих целостность культурного, политического, экономического и социального опыта человечества, сформировавшегося в течение тысячелетий в ходе постоянного взаимодействия региональных цивилизаций.

В настоящее время внимание многих исследователей приковано к территориям, находящимся между основными цивилизациями. Президент Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций Ш. Ито отмечает, что во многих цивилизационных теориях гораздо больше говорится о традициях вертикального рассмотрения той или иной цивилизации. Он стремится анализировать “межцивилизационные сферы” (Cross-Civilizational Spheres) и прояснить значение именно глобальных отношений и взаимосвязей между цивилизациями.

Ш. Ито насчитывает свыше 20 цивилизаций, подчеркивая их взаимосвязи и считая, что в ходе цивилизационных трансформаций складываются отношения разных культур между

собой. Он прослеживает воздействие межцивилизационных сфер (МЦС) на протяжении всей истории цивилизации, что сказывается, например, на влиянии месопотамской цивилизации на индуистскую и египетскую. Отмечает также развитие “греко-римских” и “греко-персидских” МЦС, упоминает “МЦС Шелкового пути”, соединившую персидскую (а затем и арабскую, и европейскую цивилизации) с китайской. Взаимные культурные обмены способствовали цивилизационному прогрессу, хотя не всегда контакты между цивилизациями приносили позитивные плоды [3].

На сегодняшний день широко распространение получила “теория о столкновении цивилизаций” американского геополитика С. Хантингтона. Он утверждает, что основные конфликты происходят вдоль межцивилизационных разломов [4]. Эта теория нашла большое количество как сторонников так и противников и стала причиной появления лимитрофной концепции.

Для Хантингтона цивилизации, определяемые чаще всего через господствующие вероисповедания, выглядят монолитными плитами, между которыми проходят разломы, способные обращаться в линии фронтов. Применительно к ареалам Средней Азии или Восточной Европы такие разломы во многом иллюзорны, потому что могут проводиться по-разному. Румыния способна оказаться по ту или по другую сторону разлома в зависимости от того, какой признак – религиозный (в Румынии

большинство населения православные) или письменность (в Румынии распространена латиница) – будет соотнесено определяющим. В истории цивилизации видятся обычно не монолитными структурами, наползающими друг на друга, а переходящими друг в друга с помощью “культурной диффузии”. В центре каждой из цивилизаций находится ядро – народили группа народов, выступающих главными носителями данной цивилизации. А вокруг области их проживания тянется цивилизационная периферия, народы которой по своему этнокультурному складу в большей или меньшей степени приближаются к ядру. Но при достаточной удаленности от него эта периферия переходит, как можно констатировать, в периферию другой цивилизации или вообще во внецивилизационное пространство (примером такого пространства может быть Черная Африка или (для I–XV вв. нашей эры) большая часть Северной Америки за пределами влияния майя-ацтекской цивилизации) [7].

Поэтому периферию можно назвать неотъемлемой частью строения мировых цивилизаций. Через нее и происходит взаимодействие одной цивилизации с другой. Одним из тех, кто выдвинули идею о выделении таких зон, является российский философ В. Цымбурский. Он рассматривает только Евразию. С. Хатунцев и В. Цымбурский независимо друг от друга пришли к рассмотрению окружающих Россию периферийных территорий от Северного Ледовитого до Тихого океана как единой геополитической системы, гигантского межцивилизационного пояса. Хатунцев назвал такие пояса на цивилизационной карте Земли «лимитрофами»¹ [6], перенося на них древнее обозначение пограничных районов Римской империи, с особым статусом, иногда – двойным подчинением, через которые империя соприкасалась с чужеродным миром, выборочно втягивая его в сферу своего воздействия [8].

Эту территорию, или лимитроф, можно рассматривать как специфическую сухопутную мембрану, разделяющую Европу, Россию и Азию, выполняя функции разделяющего и связывающего начал. Со временем на лимитрофе формируется особое мировосприятие, а вслед за ним и государственное образование, которое отделяет его жителей от соседних ядер.

Осознание лимитрофа – осознание нетождественности ни Западу, ни Востоку. Осознавая себя, жители лимитрофов противопоставляют себя ядрам соседних цивилизаций. Здесь происходит самовыделение лимитрофного района как «иног», отличного от ядер.

Понятие лимитрофа-мембраны раскрывается следующим образом. Лимитроф образует цепь регионов, характер и историческая судьба которых специфичны. Причем специфика задана окружающими цивилизациями. К примеру, Восточная Европа является границей Западной Европы, отделяя ее от России и Азии. Она обеспечивает дистанцированность Западной Европы от остального мира, но в то же время и связь с этим миром. Момент разграничения оказывается границей расселения и национальных особенностей. Момент связывающий заключается в том, что через данную территорию идут люди, товары, технологии, представления и т. д. Иными словами, с одной стороны, лимитроф является собой барьер, с другой – достаточно проницаемую структуру.

Переходные территории выделялись еще задолго до появления лимитрофной теории. Но с применением цивилизационного критерия становится возможным комбинирование разнообразных «территорий-проливов» в целостную мегасистему, охватывающую гигантскую территорию от Прибалтики до Кореи. Особенностью лимитрофа является постоянное в последние три века «зависание» его народов между теми цивилизациями, у окраин которых эти народы пребывали исторически. В пользу выявления лимитрофа как целостной системы приводятся разные доводы. Конечно же, доводы исторические: лимитроф – полоса земель, сохранившаяся так же, как и ряд анклавов внутри российской геополитической платформы, которые остались от старой внутриконтинентальной Евразии, общей окраины приморских цивилизаций, измененной возвышением России в XVI–XVII вв. Доводы политические: наблюдаемая сегодня солидарность многих государств Великого лимитрофа, от Прибалтики до Кавказа и Средней Азии, в противодействии нажиму России и в попытках встречного наступления на нее; но в то же время объективная его роль как барьера, предотвращающего столкновение России с центрами

¹ Промежуточное пространство между империями или цивилизациями. Словом „limes“ в Древнем Риме обозначали отдаленные его территории.

сил иных цивилизационных платформ (будь то вследствие экспансии НАТО или устремления афганских талибов на север). И не в последнюю очередь доводы геоэкономические: разворачивающаяся на лимитрофных землях борьба цивилизационных центров силы за хозяйственный раздел «советского наследства»; брожение в Тибете и Синьцзяне, уже реализующиеся или находящиеся в замысле проекты каспийско-европейских и туркмено-тихоокеанских нефтепроводов, а заодно и параллельных им автострад, которые прошли бы в обход России. Считая, что сегодня именно лимитрофные территории играют важнейшую роль для России, большую часть внешних геополитических проблем России можно описать в форме отношений между нею, народами, проживающими на лимитрофных территориях, и государствами тех цивилизаций, чьи платформы также выходят на этот лимитроф.

У каждой из евразийских цивилизаций есть своя потенциальная проекция на Великом лимитрофе, окаймляющем Россию, т.е. та территория, которая отчасти несет черты соседней цивилизации. Например, у Евро-Атлантики – Центрально-Восточная Европа, у Среднего Востока – Кавказ и западная часть Средней Азии, у Китая – восток Средней Азии, Синьцзян, монгольские области, российское Приморье. Лимитрофы способны выступать своего рода «полупроводниками» конфликтных импульсов действий.

Лимитроф имеет три главных аспекта – геокультурный, геостратегический, геоэкономический.

В геокультурном плане лимитрофные территории Евразии образуют земли, которые по характеру их населения выступают как периферии «ядровых» цивилизационных ареалов [2]. К лимитрофу примыкают Тибет, через который этот пояс связывается с Индией, и турецкая Анатолия – северная окраина Ближнего Востока. Замыкают его, выходя к океанам, на северо-западе Финляндия, на юго-востоке – государства Корейского полуострова Манчжурия также может считаться лимитрофной территорией, только с пометкой, что она успешно китаизирована и переработана в северный плацдарм-лимес КНР.

В геостратегическом аспекте лимитроф простирается между крупными евроазиатскими центрами силы, расположенными на древних цивилизационных платформах материка.

Для постсоветской России политическая обстановка на лимитрофных территориях имеет исключительное значение. Большая часть этих пространств в разные времена входила в империю Великой России или прилегала к этой империи, попадая в поле ее интересов. В современном мире этот аспект продолжает выходить из тени в политиках различных государств и нередко играет первостепенную роль в международных отношениях.

В геоэкономическом плане лимитрофные территории, пограничные с Россией, обладают внушительными запасами углеводородного сырья. В первую очередь, это относится к прикаспийским странам. Это стало одной из главных причин привлечения внимания США к этому региону.

Для всех соприкасающихся «новой» Центральной Азией держав американское присутствие в этом секторе лимитрофа несет потенциальные угрозы: и для России, и для Китая, выходящего сюда Синьцзяном и Тибетом, и для Ирана, смыкающегося с этими краями своим, в значительной мере тюркским, севером. Лимитроф в целом, с действующими на нем силами, сегодня предстает образом полуторопольного мирового устройства и опасностью подсоединения его центрального звена к потенциальному атлантическому силовому полю. Поэтому между лимитрофом и другими соседними цивилизациями начинает возникать кооперация, нацеленная на ослабление американского влияния.

Важными шагами по пути такой кооперации явились создание ШОС по инициативе Китая и России в ответ на внедрение американских баз к западу от Каспия под предлогом похода против талибов; последующее включение в нее, сперва на правах наблюдателей Индии, Пакистана и Ирана; наконец, прием в нее Узбекистана, сильнейшего в военном отношении государства «новой» Центральной Азии, мудро отказавшегося после андижанских событий от своих прежних претензий на роль главного регионального агента Большого Центра. Сегодня ШОС на пороге международного признания в качестве одной из несущих конструкций полуторопольного мира, которые российские политики и публицисты называют многополярным, не желая задуматься над тем, с какими серьезнейшими вызовами мы бы столкнулись в условиях реальной многополярности.

Несомненно, растущая мощь Китая, под которой гнется граница предельно уязвимого

российского востока, – для России уже сейчас источник тревоги. Китай нам крайне опасен как соседняя региональная великая держава, – но отсюда вовсе не следует, чтобы он был для нас непременно столь же опасен в качестве мировой державы, которая стремится не допустить окружить Поднебесную

Характерными чертами современности являются ускорение политических изменений и увеличение степени их непредсказуемости, нарастание тенденций глобализации и международной интеграции, кардинальное изменение не только структуры, но и самой природы геополитической конструкции мира. Подобная специфика протекания современного геополитического процесса характерна для многих регионов мира, в том числе и для Кавказского геополитического «массива», который в настоящее время приобретает новую конфигурацию

Его особенность заключается в том, что на протяжении около двух столетий Кавказ в основном находился под геополитическим контролем России, которая, принимая во внимание его исключительную стратегическую значимость, прилагала огромные усилия по удержанию в сфере своего влияния. С распадом же Советского Союза на Кавказе образовался так называемый «геополитический вакуум», который способствовал развитию дезинтеграционных тенденций, направленных на ослабление геополитической региональной роли России. Причем данные тенденции характерны как для Южного Кавказа, где они более отчетливо выражены, так и отчасти для Северного.

С распадом биполярной системы мирового порядка, основанного на жестком соперничестве двух идеологий, в качестве приоритетных начинают выступать, в первую очередь, экономические интересы, а также интересы стратегического порядка, реализуемые подчас не только экономическими, но и военными средствами.

Подобное изменение природы геополитического процесса предопределило расширение состава его участников. Помимо традиционных акторов субрегионального и регионального уровня таких, как Армения, Грузия, Азербайджан, Россия, Иран и Турция, кавказское направление становится все более важным во внешней политике США и подконтрольных ей военно-политических блоков, в первую очередь, НАТО.

Стратегический контроль над Кавказом обеспечивает оперативный выход в регионы Цент-

ральной Азии, что, в свою очередь, является важным элементом сдерживания возрастающей геополитической и экономической мощи Китая и, в перспективе, России. Одновременно контроль над Кавказом позволяет самым непосредственным образом влиять на распределение и направления потоков углеводородных ресурсов Каспийского региона, а также контролировать иные транспортно-торговые коммуникации, направленные как с севера на юг, так и с запада на восток. Для России Кавказ – это своего рода ключ ко всему лимитрофу.

Общей чертой северокавказских республик является то, что все они, хотя и в различной степени, испытывают трудности в создании эффективно работающих легитимных правительств и в падении эффективности управления со стороны федерального центра.

Ключом к восстановлению нормально функционирующих систем на Кавказе могут явиться принципы моделирования и управления, которые подразумевают построение системы факторов – активных устойчивых центров потенциальных путей эволюции системы, способных притягивать и организовывать окружающую среду.

Новый порядок возникает в результате действия сил двух видов: обусловливаемых внешними воздействиями и внутренними процессами – особенностями взаимоотношения частей самой системы.

Любые воздействия, попытки построить организацию, границы которой выходят за пределы области притяжения фактора, оказываются тщетными. Нечто подобное наблюдается в Чеченской республике, где социальную систему, находящуюся в зоне притяжения сильного фактора «ваххабизма», пытаются силовыми методами перевести на другой путь развития, и она отвечает взрывом терроризма.

В менее консервативных регионах Северного Кавказа, к которым относятся субъекты РФ с устоявшимися межэтническими культурными связями, многочисленными межнациональными браками, религиозной и национальной терпимостью, возможно применение методов социального воздействия для создания позитивных факторов. Их построение должно основываться в первую очередь на общих идейных принципах – общем векторе интересов большинства населения [1].

Роль государственного управления должна сводиться к созданию среды, благоприятной для появления позитивного фактора.

Что касается консервативных регионов Северного Кавказа, то эти системы являются крайне закрытыми и возможности по синтезу позитивных факторов в них со стороны государства минимальны. Построение позитивного фактора в открытых неконсервативных регионах Северного Кавказа поспособствует динамичному и позитивному их развитию, что в свою очередь увеличит силу притяжения этого нового фактора, и, в конечном итоге, приведет к объединению всех регионов Северного Кавказа в сложную структуру более высокого порядка. Основной принцип соединения частей в целое можно сформулировать таким образом: синтез простых эволюционирующих структур в одну сложную структуру происходит посредством установления общего темпа, синхронизации их эволюции. Нечто подобное наблюдалось на протяжении столетий в Российской Империи, когда новые народы, регионы попадали в поле притяжения аттрактора империи, носителем которого была Россия. Причем объединение систем по такой схеме проходило более или менее безболезненно и продуктивно.

Следует отметить, что при протекании данного процесса необходимо разрабатывать не только общегосударственную идеологию, культуру и философию, но и поддерживать самобытность составляющих общегосударственной социальной системы в зависимости от фазы развития единой структуры.

В кавказском регионе на сегодняшний день сильно выделяется Грузия, которая открыто заявила о своей независимости не только в политическом, но и геостратегическом смысле, проведя референдум о вступлении в НАТО и претендуя на членство в альянсе.

Серьезно оценивать роль Грузии при нынешнем раскладе сил в поле притяжения очень сложно. Насколько серьезно можно относиться к Грузии как к самостоятельной державе – открытый вопрос. Экономика Грузии уже многие годы является несостоятельной еще более несостоятельна она как военная держава, чей внешнеполитический курс колеблется, как правило, синхронно с внешнеполитическим курсом Вашингтона в регионе. России следует относиться ко всему многообразию грузинских проблем спокойно, но внимательно, так как, если вспомнить историю, мы сможем обнаружить, что и 250 лет назад независимость Грузии точно так же, как и сегодня, «колебалась» между Персией и Россией. Точно так же, как и сейчас, 250 лет назад грузинские верхи вели себя некорректно по отношению к России [5]. Но текущая ситуация осложняется еще тем, что Грузия потенциально может стать плацдармом для сил НАТО в кавказском узле и это вряд ли сыграет на руку России.

Существует проблема Южной Осетии и Абхазии, но эти «республики победившего сепаратизма» не представляют для России жизненно важного интереса, для Грузии же «возвращение» этих территорий является проблемой национального государственного выживания. Абхазы и южные осетины всегда тянулись к России, это тяготение исторически оправданно, и на этом можно сыграть.

Когда цивилизации географически соседствуют друг с другом, общества, ориентирующиеся на одну из них, но не принадлежащие к ее ядру, оказываются обществами межцивилизационными. Но, очевидно, межцивилизационность – это не трагедия для народа, а иногда это и шанс его возвышения.

Библиографический список

1. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001.
2. Замятин Д. Геокультура образ и его интерпретации. <http://www.politstudies.ru>.
3. Ито Ш. Диалог цивилизаций и межцивилизационные сферы // Глобализация и судьба цивилизаций. – М., 2003.
4. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Учебник для вузов. – М., 2001.
5. Рондели А. Южный Кавказ и Россия // Вестник Европы. – 2002. – №7–8.
6. Хатунцев С. К геополитике “Санитарной империи”. <http://www.apn.ru>.
7. Хаусхофер К. О геополитике. – М., 2001.
8. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М., 2000.

В.Г. Шведов
(г. Биробиджан)

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАЙОНОВ ПО ПРИНЦИПУ ИХ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Shvedov V.G.

THE TYPES OF HISTORICAL POLITICO-GEOGRAPHICAL REGIONS UPON DEPENDENCE ON THEIRS INNER STRUCTURAL CONSTRUCTION IS ANALYZED

In the article is characterized the question of types of historical politico-geographical regions – how it depend, on its inner structural construction of theirs.

Рассмотренные нами структурные элементы образуют между собой в пространстве и времени разнообразные сочетания, среди которых повторяются определённые закономерности. Они же, в свою очередь, могут служить основой выделения различных типов исторических политико-географических районов. Данный подход опирается на суждение о том, что выявление типажей любых территориальных систем целесообразно проводить с помощью анализа их структурного устройства (Колотиевский, 1969; Солнцев, 1981). Преимущество этого методологического приёма состоит в том, что он тесно связан с рассмотрением таких ключевых характеристик пространственных явлений, как:

- функциональная, которая позволяет понять действие того внутреннего «механизма» конкретной системы, благодаря которому она существует, развивается, саморегулируется, взаимодействует с другими такими же системами и географической средой в целом;
- генетическая, которая отображает эти процессы в эволюционном плане, а также объясняет последовательную трансформацию видоизменяющихся систем.

Созданная на основе структурного анализа типология исторических политико-географических районов подчиняется определённым принципам, а именно:

- объективности отображения реконструируемого состояния той или иной территории в её ретроспективном «разрезе»;

• выявления преемственности внутреннего развития выделенного района и его структурного наполнения;

- преобладания первостепенных типических признаков над второстепенными;
- возможности логического сопоставления исторических политико-географических районов с другими типами историко-географических районов, которые могут быть выделены в примерных границах этой же территории по иным признакам (к примеру – историческими экономико-географическими).

Соблюдение этих принципов ведёт к поиску тех главных структурных признаков, которые определяют типы исторических политико-географических районов. Таковыми, по нашему мнению, являются:

- ядерная разночисленность;
- общеструктурная динамостатичность;
- организационно-политическая целостность.

Под ядерной разночисленностью надо понимать расхождение в количестве ядер, входящих в состав каждой из конкретных исторических политико-географических структур (либо – при их отсутствии в ранних или неразвитых конструкциях – ядроидов).

Эти структурные элементы являются определяюще важными (Жекулиң 1982). Они представляют собой первичную функциональную основу развития территории, постоянно регулируют её «работу» и состояние. Следовательно, от их количества и характера их взаимодействия зависит «индивидуальный облик» любого

¹ Данная публикация продолжает статью В.Г. Шведова «Историческая политико-географическая структура территории и её функциональные элементы» («Региональные исследования» – 2007. – № 4).

из районов. В этой связи среди последних в исторической политической географии можно различать одно- и многоядерные.

Так, политическое ядро, исторически сложившееся в районе в единственном числе, приспособливает его структуру исключительно «под себя» и внеконкурентно воздействует на политическую жизнь на всей его территории. Подобный пример обнаруживается в доколумбовой Мезоамерике. Сложившееся здесь в древности в центре Мексиканского нагорья ядро не имело конструктивно-функциональных аналогов в регионе до начала испанского завоевания.

Но большинству исторических политико-географических районов свойственна, всё же, многоядерность. Это является следствием следующих причин:

- определённая структура изначально может складываться на основе нескольких ядер (Новгородское и Киевское ядра Древней Руси);
- каждая структурная конструкция стремится к достижению максимальной устойчивости за счёт самоукрепления необходимым числом главных несущих элементов (Бунге, 1967). В данном случае таковыми являются ядра, которыми структура достраивается в соответствии с той или иной целесообразностью.

При наличии в структурном построении нескольких ядер, их число само по себе роли не играет: определяющим типологическим признаком является факт ядерной множественности. На территориально-политическую жизнь он оказывает прямое и сильное влияние, которое проявляется в двух взаимосвязанных, хотя и разнонаправленных тенденциях. С одной стороны, ядра могут быть политически комплиментарными, что выражается в их взаимодействии и «подстраховке» в критические моменты (Северо-Запад и Центр России в XVIII–XX вв.). С другой – они могут находиться в состоянии политической конкуренции или конфликта (Рим–Константинополь). Разумеется, что в первом случае ядродержащие структура и район только укрепляются, а во втором возможно два варианта развития многоядерной структуры.

Наиболее очевиден из них тот, при котором противоборство ядер служит причиной распада единой конструкции и содержащего её района новообразования. Но возможно и иное развитие ситуации: для вмещённых в одну и ту же структуру ядер их противоборство становится столь важной формой функциональной деятельности, что единство структур в результате

этого, казалось бы, деструктивного явления объективно лишь укрепляется. В подтверждение этому вспомним ту жёсткую конфронтацию, в которой находились в течение почти целого тысячелетия (XI–XIX вв.) ядерные образования Южной Англии и Северной Франции. Однако именно их противостояние став за долгое время формирующим признаком политико-географической обстановки в Западной Европе, во многом и определило единство территориально-политического бытия этого региона (Басовская, 2002).

По ходу своего развития одноядерный район может обращаться в многоядерный. Подобную эволюцию претерпел Китайский район. В начале своего существования (III тысячелетие до н.э.) он обладал одним располагавшимся на нижнем течении Хуанхэ ядром. Затем, по мере разрастания его территории, развивавшаяся в его пределах структурная конструкция дополнилась целой серией новых ядер.

Возможен обратный процесс: многоядерный район переходит в одноядерный. Чаще он имел место в ранние периоды развития мирового политико-географического пространства, когда далеко не все ядра выдерживали направленную против них агрессию со стороны «варварской» периферии или уничтожались разрушительным воздействием других ядер. Это неоднократно происходило на заре становления территориально-политической структуры Средиземноморья и некоторых прилегающих к нему территорий в V–III тысячелетиях до н.э., а позже – в Юго-Восточной Азии или доколумбовой Латинской Америке.

Вторым типическим признаком исторических политико-географических районов предлагается считать общую структурную динамостатичность. Она проявляется в том, что любая территориально-политическая структура обнаруживает при внешнем воздействии на неё один из двух вариантов ответной реакции:

- возможность с относительной лёгкостью перестраиваться, приспособливая свою конструкцию к условиям экзогенного воздействия;
- способность отражать внешнюю инвазию, адаптируя её результаты к своему исторически сложившемуся построению.

Первое явление мы отождествляем с общеструктурным динамизмом, второе – со статичностью.

Динамичная структура оказывается способна к быстрым конструкционным переменам, что показывает её гибкость и может усиливать

присущую ей степень самосохранения. Это качество продемонстрировала структурная организация доколумбовой Латинской Америки. Образовавшие её районы (Мезоамериканский, Андский, Карибский и т. д.) смогли уцелеть в качестве хороших различных исторических политико-географических данностей, подвергшись сильнейшему внешнему воздействию, каковым оказалась испано-португальская Конкиста. Структурно наполнение каждого из них «сумело» приспособиться к привнесённым извне территориально-политическим условиям.

Однако это качество имеет и обратную сторону: вследствие снижения иммунитета к внешнему воздействию, конкретная структура может оказаться предрасположенной к потере своей «индивидуальности» и последующему распаду. Так, агрессия международного синдиката работорговцев полностью разрушила территориально-политические структурные построения, которые имелись до XV в. в Тропической Африке. Последующая европейская колониальная экспансия XIX века привела к формированию в регионе новой территориально-политической структуры, не оставив от старой даже следа.

Что касается статичности, то её не следует отождествлять со стагнацией. Нередко она отражает самую высокую степень приспособления структуры к условиям вмещающей её территории и таким образом обуславливает её способность к эффективной отражающей реакции на внешние воздействия (Шведов, 2006). Следовательно, это структурное качество объективно способствует самосохранению вмещающего района. Видимо, данная типическая характеристика свойственна значительному числу исторических политико-географических образований, ведь благодаря ей они в основном и смогли сохранить свою яркую «индивидуальность». В качестве примера можно привести неоднократно подвергавшийся сильнейшим внешним воздействиям, но устоявший перед ними (в том числе и в отношении своего структурного построения) Китайский район.

Тем не менее, статичность иногда действительно может обратиться в стагнационность, которая делает структуру неспособной к адекватной реакции на меняющиеся условия политико-географической обстановки. Так, устройство территориально-политической конструкции Центральной Азии не претерпело сколь-нибудь значительных перемен со II тысячелетия до н.э. вплоть до XIV в. н.э. (правление

Тамерлана), но единственным следствием этого стали лишь периодические выбросы агрессивной активности кочевников. Статичная структура этого района не смогла должным образом реагировать на происходившие в мире перемены и обратилась в политико-географический реликт, затормозивший процесс развития вмещающей её территории.

В целом, данный признак позволяет различать районы динамичные и статичные.

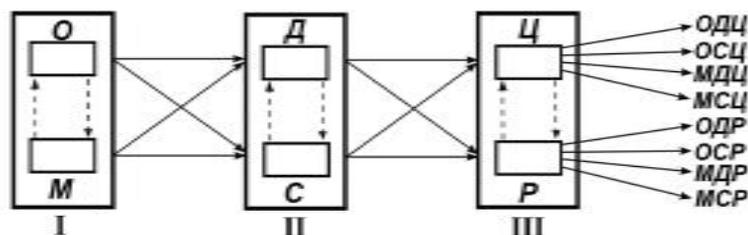
Организационно-политическая целостность района определяется по рассечённости или нерассечённости вмещённой в него структуры государственными границами, роль которых в данном случае оценивается с позиции их влияния на состав и размещение структурных элементов внутри того или иного района.

При перемене своих направлений межгосударственные рубежи часто рассекают сложившуюся территориальную структуру на несколько секторов, которые продолжают существовать в различных организационно-политических условиях. При этом в пределах одного из них происходят структурные изменения, призванные закрепить достигнутый успех и способствовать его дальнейшему развитию, а в другом – нацелены на удержание оставшихся позиций и осуществление территориально-политического рывка.

И то и другое предполагает серьёзные перемены – вплоть до разрыва некогда единой территориальной структуры (Лёш, 1959). Следствием этого часто становится распад района или потеря им какого-либо из секторов. Но данная сочетаемость не априорна. Нередко, в условиях нового размежевания, начинается налаживание различных форм трансграничных связей (Гладкий, 1995). Это предполагает воссоздание и обновление их структурного обеспечения. Так, изрезанность Западной Европы межгосударственными границами породила яркую историческую специфику её внутренней территориально-политической жизни, но отнюдь не разрушила её исторически сложившегося политико-географического единства.

Следовательно, по признаку относительно устойчивого прохождения или непрохождения «через» структурные конструкции межгосударственных границ, включающие их районы можно различать как целостные и рассечённые.

Итак, любой из рассмотренных типических признаков является носителем отличных черт структурно-политической организации

Основные типические признаки исторических политико-географических районов:

I – ядерная разночисленность

II – общеструктурная динамо-статичность.

III – организационно-политическое единство

Внутрипризнаковые вариации:

О – одноядерность

М – многоядерность

Д – общеструктурная динамичность

С – общеструктурная статичность

Ц – целостность структуры

Р – рассеченность структуры

Рис. 1. Схема образования типов исторических политико-географических районов

общества на определённой территории. Они свободно комбинируются друг с другом, образуя восемь производных типов районов.

На рисунке 1 схематично изображены три основных признака типичности исторических политико-географических районов (I, II, III), вмещающие внутренние вариации каждого из них (литеры – О, М, Д, С, Ц, Р), которые могут при определённых условиях переходить друг в друга (на рисунке обозначено направлением пунктирных стрелок).

Но более существенным представляется свойство их свободного межпризнакового комбинирования (сплошные стрелки).

При сочетании трёх типических признаков, каждый из них может проявлять себя в данном месте и в данное время лишь в одной из двух присущих ему вариаций. А поскольку межпризнаковое комбинирование последних ничто не ограничивает (см. полное сочетание сплошных стрелок), число производных типов районов равняется восьми:

- 1) одноядерный динамичный целостный (ОДЦ)
- 2) одноядерный статичный целостный (ОСЦ)
- 3) многоядерный динамичный целостный (МДЦ)
- 4) многоядерный статичный целостный (МСЦ)
- 5) одноядерный динамичный рассечённый (ОДР)
- 6) одноядерный статичный рассечённый (ОСР)
- 7) многоядерный динамичный рассечённый (МДР)
- 8) многоядерный статичный рассечённый (МСР)

Каждый из них в этом ряду оказывается несхож одной тройкой «соседей» по одной признаковой характеристике, с другой тройкой – по двум, и с одним – несхож полностью. Значит, типические расхождения между ними можно определить как заметные (на $1/3$), преобладающие (на $2/3$ признаков) и полные.

На наш взгляд, уже первая из приведённых градаций отмечает особое состояние структуры, которое в свою очередь, становится

причиной идентификации реальных обликов исторических политико-географических районов. Это видно из сопоставления территорий, типически одинаковых по двум структурным признакам: статичности и целостности.

Но одна из них – доколумбова Мезоамерика – была образованием с единственным сложившемся на Мексиканском нагорье ядром. Политико-географическая жизнь другой территории, Средиземноморья I–IV вв. н.э., проходила

под знаком взаимодействия Римского, Константинопольского и Ближневосточного ядер.

Не различить между собой два этих региона по их территориально-политическим судьбам невозможно. Следовательно, более заметные типические расхождения обуславливают и большую историческую политико-географическую различаемость содержащих их территорий.

Таким образом, всё многообразие выделяемых на поверхности Земли исторических политико-географических районов может быть сведено к восьми выделенным здесь типам. Это, в свою очередь, позволяет продолжить работу по переводу рассмотрения территориально-политической ретроспективы Ойкумены из области эмпирических суждений в упорядоченное русло системного анализа.

Библиографический список

1. Басовская Н.И. Столетняя война. Леопард против лилии. – М.: АСТ, 2002. – 430 с.
2. Бунге В. Теоретическая география. – М.: Прогресс, 1967. – 279 с.
3. Гладкий Ю.Н. Политическая и экономическая дифференциация мира. – СПб.: Образование, 1995. – 64 с.
4. Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. – Л.: Наука, 1982. – 224 с.
5. Колотиевский А.М. Вопросы теории и методики экономического районирования. – Рига: Знание, 1969. – 259 с.
6. Лёш А. География размещения хозяйства. – М.: ИПЛ, 1959. – 455 с.
7. Солнцев В.Н. Системная организация ландшафтов. – М.: Мысль, 1981. – 239 с.
8. Шведов В.Г. Историческая политическая география. Обзор становления, теоретические основы, практика. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 259 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

А.Г. Махрова
(г. Москва)

ОРГАНИЗОВАННЫЕ КОТТЕДЖНЫЕ ПОСЕЛКИ НОВЫЙ ТИП ПОСЕЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Makhrova A.G.

THE ORGANIZED COTTAGE SETTLEMENTS: NEW TYPE OF SETTLEMENTS (ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW AREA)

In the article questions of formation and development of new elements of moving system – the organized cottage settlements on the example of the Moscow area are considered

Одним из наиболее динамично развивающихся сегментов рынка загородного жилья в современной России являются организованные коттеджные поселки, которые становятся новыми элементами расселения. Подмосковье является безусловным лидером в стране по развитости рынка загородного жилья, что проявляется, прежде всего, в буме загородного коттеджного строительства, который связан с реализацией новых жилищных стандартов наиболее состоятельных слоев населения. По количеству организованных коттеджных поселков, уровню цен и типам коттеджного жилья Подмосковье унет равных в стране.

Первые коттеджи «новых русских» появились в начале 1990-х гг., и представляли собой принципиально новый тип жилья, но с «садоводческим наследством» советского времени: огромные замки и дворцы располагались часто на шестисоточных участках с огородами. Активно коттеджное строительство стало развиваться с середины 1990-х гг., а появление организованных поселков относится к началу 2000-х гг. В 2001 г. в области было около 30 коттеджных поселков, в 2004 г. – более 300, в 2007 г. их число превысило 600 единиц.

Рост числа коттеджных поселков происходит при сохранении территориальной избирательности в их размещении. Как и в предыдущие несколько лет, лидером остается Новорижское

шоссе, которое сосредотачивает почти четверть предложения, всего на три направления лидера – Новорижское, Рублево-Успенское и Калужское – приходится около половины всего объема предложения (рис. 1). Хотя лидеры сохраняют свои позиции, растет число проектов и на других направлениях, в том числе и на менее престижных Симферопольском, Каширском, Щелковском шоссе, но их доля пока по-прежнему невелика.

Другая важная черта в территориальной избирательности размещения коттеджных поселков состоит в их концентрации на западе области, где находится свыше 70% всех образований. Западное Подмосковье, прежде всего Рублево-Успенское шоссе, является территорией, уникальной для развития рынка загородной

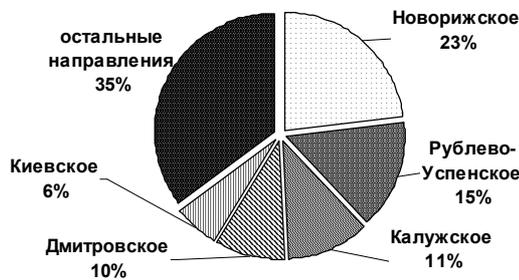

Рис. 1. Распределение коттеджных поселков по направлениям, 2007 г.

Таблица 1

**Распределение коттеджных поселков
по удаленности от МКАД и цене, июнь 2007 г., %**

Направления-лидеры по числу поселков	расстояние от МКАД, км						средняя удельная цена предложения	
	менее 20	от 20 до 40	от 40 до 60	от 60 до 80	свыше 80	итого	долл./ м ²	темп роста к 2006 г., %
Новорижское	21,4	40,7	24,1	9	4,8	100	3584	30,9
Рублево-Успенское	48,4	51,6	0	0	0	100	5757	69,2
Калужское	45,6	44,1	5,9	4,4	0	100	2990	36,5
Дмитровское	31,7	35	28,3	5	0	100	3215	22,9
Киевское	21,1	52,6	13,2	0	13,2	100	3002	54,2
Минское	48,3	41,4	0	6,9	3,4	100	3904	13,0
Пятницкое	35,7	21,4	39,3	3,6	0	100	2531	61,5
Ярославское	21,4	53,6	3,6	3,6	17,9	100	1817	39,4
Симферопольское	30,8	34,6	19,2	11,5	3,8	100	1203	2,0
Ленинградское	56,3	18,8	0	12,5	12,5	100	2116	43,5
все поселки	37,1	40,2	13,8	5	4	100	3326	37,0

Составлено по данным автора и данным портала IRN.RU (Рынок загородной недвижимости..., 2007).

недвижимости, что связано с престижем этого места (здесь традиционно селилась сначала российская, а затем советская и постсоветская элита), транспортной доступностью, наиболее благоприятной экологией. Самую дорогую часть западного Подмоскovie между населенными пунктами Красногорск – Павловская Слобода – Жаворонки – Переделкино риэлторы по аналогии с «золотой милей» и «золотым треугольником» в Москве называют «золотым квадратом».

Не менее важной особенностью размещения коттеджных поселков является их близость к Москве: в зоне ближних и средних пригородов столицы (в зоне до 40 км от МКАД) расположено более три четверти всех поселков (77%), причем такая ситуация характерна практически для всех направлений (табл. 1). При постепенном исчерпании территориальных ресурсов зоны ближнего Подмоскovie активизируется коттеджное строительство на расстоянии более 20 км от МКАД, что привело к существенным подвижкам в структуре распределения этих городков. По сравнению с 2005 г. большее число коттеджных поселков стало располагаться уже в зоне средних (от 20 до 40 км), а не ближних пригородов, хотя эти значения очень близки. Еще более существенным было увеличение доли дальнего Подмоскovie, удельный вес которого за 2005–2007 гг. увеличился в 10 раз (с 2% до 20%).

Таким образом, сеть расселения изменена коттеджным строительством сильнее всего в ближнем и среднем Подмоскovie с ярко выраженным сдвигом на запад (рис. 2).

При значительном разнообразии коттеджные поселки Подмоскovie имеют следующие средние параметры. Средний размер площади поселка составляет 23 га, при этом наиболее распространенной или модальной является величина в 10 га. Самых крупных поселков с площадью свыше 100 га совсем немного (3,5%). Это либо расположенные на периферии области поселения с большой площадью участков под имения, либо поселки с парком и большим числом домов с большими придомовыми участками. Поселков эконом-класса в составе больших поселков нет, хотя риэлторы и аналитики постоянно отмечают большой дефицит поселков этого типа в структуре предложения.

Поселки с числом домов менее 50 составляют свыше половины всего предложения, но из-за большого числа коттеджных городков состоящих менее чем из 30 домов, среднее число домов в коттеджном поселке составляет 69 коттеджа. При этом наиболее распространенными являются поселки с числом домов 50 единиц, а доля небольших закрытых образований VIP-класса, которые состоят менее чем из 20 домов, превышает долю наиболее крупных поселков с числом жилых комплексов свыше 100 единиц (рис. 3).

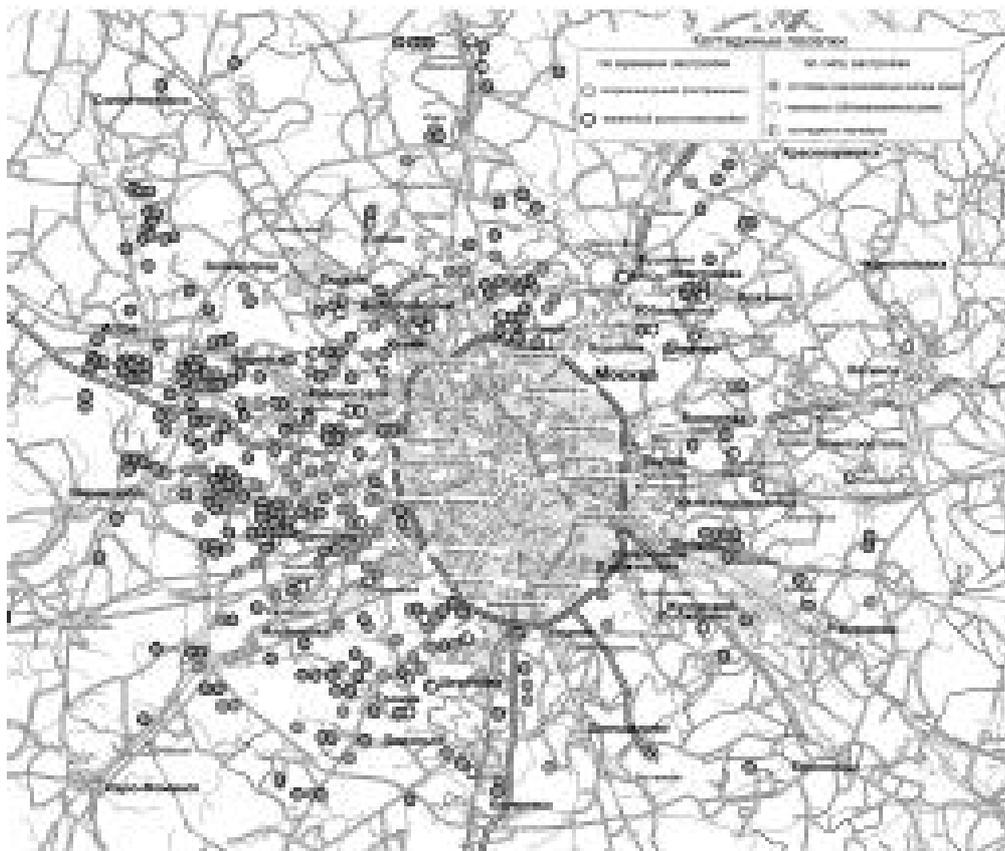

Рис. 2. Коттеджные поселки ближнего Подмосковья

Показатели структуры предложения коттеджных поселков в Подмосковье по площади поселков, числу коттеджей и их площади (рис. 4) очень рельефно отражают ориентацию существующего предложения на верхний ценовой сегмент – элитные поселки и поселки бизнес-класса. Объем предложения поселков эконом-класса, которые в настоящее время пользуются наибольшим спросом у покупателей очень небольшой, так как они мало интересуют современных девелоперов и застройщиков, прежде всего из-за того, что не позволяют получать такую же норму прибыли, как поселки более дорогих ценовых категорий

Таким образом, большинство современных поселков – это небольшие по своим размерам поселения со средней площадью около 20 га при среднем количестве домов около 70 единиц, которые используются как второе постоянное или сезонное жилье наиболее состоятельными слоями общества (элитой и верхними слоями среднего класса). Большинство существующих коттеджных поселков –

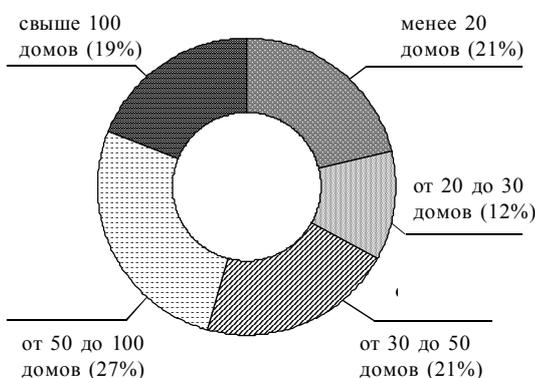

Рис. 3. Структура предложения коттеджных поселков по числу домов, 2007 г.

это закрытые поселения («gated communities», в российской практике их часто называют «золотые гетто» или «резервации для богатых»). Их главным недостатком является изолированность от окружающего мира и отсутствие условий для социализации и общения молодежи.

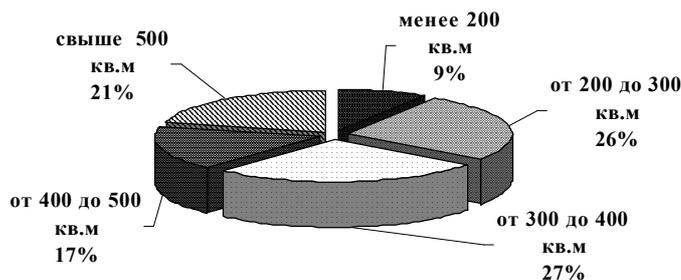

Рис. 4. Структура предложения коттеджных поселков по величине домов, 2007 г.

Жизнь «на два дома» недоступна широким слоям населения и сдерживает развитие субурбанизации (Махрова, 2006). На Западе проблемам преодоления социальной пространственной сегрегации населения придается большое значение (Cities and Suburbs, 2000). В России эта проблема еще не осознана, а наиболее состоятельное население для обеспечения своей безопасности и статусного соседства считает такие замкнутые поселки единственным возможным вариантом проживания за городом.

Коттеджные поселки уже внесли существенные изменения в существующую сеть поселений области. Для сравнения, в Московской области 70 поселков городского типа и более 600 коттеджных поселков, которые хотя существенно уступают пгт по численности проживающего в них населения, но отличаются более высоким качеством жилья и уровнем жизни населения. Еще разительнее коттеджные поселки отличаются от сел, сохранивших традиционную застройку, низкий уровень благоустройства и жизни населения.

Особую группу среди коттеджных поселков составляют городки, застроенные таунхаусами (сблокированный дом или коттедж). Этот тип рассматривается как перспективное жилье для людей, которые хотят иметь загородный дом недалеко от Москвы, но не имеют достаточно средств для покупки коттеджа. За счет роста спроса в последние годы в Подмоскovie появилось уже около 80 поселков, застроенных таунхаусами, которые расположены достаточно близко к Москве – на расстоянии до 10–15 км от МКАД. Больше всего таких городков на Ярославском, Дмитровском, Калужском и Пятницком шоссе; есть такие поселки и на самых престижных Новой Риге и Рублевке. В основном, таунхаусы покупают не как сезонное, а как постоянное жилье.

Кроме таунхаусов, которые в России являются типом преимущественно загородного жилья, развитие получает такой тип полугородского-полузагородного жилья как загородное малоквартирное жилье малой и средней этажности, которое является относительно новым направлением подмосковного строительства (Городские квартиры..., 2008). Первые малоквартирные дома в пригородах столицы появились в середине 1990-х гг., но быстро этот формат стал развиваться в последние годы. Дома в загородных жилых комплексах имеют высоту не более девяти этажей, на площадке обычно расположено две-три квартиры.

Количество таких комплексов пока ограничено (их около 20), и расположены они практически по всем направлениям. Со времени появления первых таких поселков жилые комплексы стали «более демократичными». Уровень цен с верхней планки столичного бизнес-уровня опустился до стоимости жилья эконом-класса, расширилась их география, и наряду с поселками, расположенными на большой собственной огороженной и охраняемой территории («Земляничная поляна» в поселке Заречье на Сколковском шоссе, «Тихомирово», «Жуковка-1» на Рублево-Успенском шоссе), появились более скромные варианты. Особая привлекательность таких объектов состоит в сочетании качества жилья и удачного месторасположения с относительно доступными ценами. Так как покупка даже самой большой квартиры обойдется намного дешевле, чем приобретение и содержание загородного коттеджа, то такое жилье пользуется спросом среднего класса, в том числе у семей с детьми. Можно предполагать, что с развитием процессов субурбанизации и ростом популярности проживания за городом такое жилье повышенной комфортности

Таблица 2

**Основные параметры сегментов рынка загородной недвижимости,
активные объекты*, июнь 2007 г.**

	кол-во объектов		цена		объем рынка		средняя площадь жилой единицы, м ²	средняя стоимость жилой единицы, тыс. долл.
	штук	темп роста к 2006 г., %	долл. за м ²	темп роста к 2006 г., %	тыс. м ²	млн. долл.		
коттеджные поселки	195	21,9	3326	36,7	5400	18000	358	1191
таунхаусы	76	65,2	2810	33,9	1590	4470	243	684
жилые комплексы	22	46,7	3460	10,8	470	1630	125	434

* Активные объекты – строящиеся или уже построенные поселки, в которых ведутся продажи.

Источник: данные портала IRN.RU (Рынок загородной недвижимости..., 2007, Загородный рынок..., 2007).

расположенное вблизи пригорода и удачно вписанное в окружающий пейзаж, будет пользоваться спросом и в перспективе.

Анализ текущей ценовой ситуации на рынке загородного жилья, проведенный по активным объектам, свидетельствует о том, что, несмотря на опережающую динамику роста числа объектов застроенных более дешевыми по сравнению с коттеджами таунхаусами и квартирами в жилых комплексах, рынок загородного жилья, по-прежнему, ориентирован на бизнес-класс. При этом за счет большой средней площади стоимость среднестатистической жилой единицы в жилом комплексе таунхаусе а тем более коттеджа, существенно превышает цену стандартной панельной квартиры, которой владеет большинство москвичей (табл. 2).

В последние годы меняется «портрет» покупателя загородного жилья, увеличивается доля среднего класса, который определяет спрос на более дешевое загородное жилье меньшей площади, расположенное уже не только в самых дорогих частях ближнего и западного Подмосковья. Несмотря на то, что в течение года на рынок вышло порядка десяти новых проектов этого уровня и началось освоение менее престижных и более удаленных территорий, в 2007 г. на долю поселков эконом-класса с ценой жилой единицы около 300 тыс. долл. приходилось менее пятой части предложения (18%)¹. Еще несколько поселков было анонсировано, ряд девелоперов заявили о намерении заняться строительством сетевых поселков (сеть поселков «Изюм» и «Сибарит»).

Применение отработанных новых технологий быстрого возведения и экономия на масштабах позволит строить недорогие поселки для постоянного проживания, но пока есть платежеспособный спрос на более дорогие дома, перспективы развития этого сегмента рынка загородного жилья не вполне понятны.

Новой тенденцией развития рынка загородного жилья является появление крупных поселков с числом домов более 100, их называют мегапоселками, которые могут привести к существенным изменениям как структуры предложения, так и масштабов распространения загородного образа жизни. Возникновение крупных земельных собственников и компаний-застройщиков, либерализация земельного законодательства, стабильная экономическая ситуация, устойчивый спрос на коттеджи в организованных поселках обусловили разработку таких масштабных проектов. Их несомненное преимущество – это возможность снижения как общих эксплуатационных расходов, так и затрат на содержание объектов социального назначения, что позволяет создать все необходимые инженерно-коммуникационные сети, организовать удобное транспортное сообщение, построить все необходимые объекты социальной инфраструктуры и многое другое.

Анализ рынка показывает, что в настоящий момент насчитывается около 20 крупных проектов с территорией под застройку больше 100 гектаров, большинство из которых находится в стадии строительства или разработки концепции застройки (Ручко, 2006, Стратегия комплексного

¹ По данным компании МИЭЛЬ в 2007 г. на коттеджные поселки бизнес-класса приходится 42%, а на элиту – 40%.

развития ... , 2007, Юзов, 2007). Среди наиболее крупных из них, кроме уже упоминавшегося мегапоселка Рублево-Архангельское (3 км от МКАД, Новорижское шоссе, 430 га), – это поселки Плещеево (20 км от МКАД, Новорижское шоссе, 594 га, свыше 1 млн. кв.м), «Hellas» (в переводе означает Греция, на пересечении Киевского шоссе и Малой бетонки, 900 тыс. кв. м жилья), «Рублевка гольф-клуб» (13 км от МКАД, 333 га, 300 тыс. кв. м жилья), «Гран-При» (1 км от МКАД, Путиловское шоссе, 313 га), «Долина Козино» (5 км, Пятницкое шоссе, 524 га), «Agalarov Estate» (25 км от МКАД, Новая Рига, 300 га), «Остров Истра» (55 км от МКАД, Новорижское шоссе, 1150 га, 1,5 млн кв. м жилья), «Пестово» (на берегу Пестовского водохранилища, 150 га), но самый большой проект – это Рузская Швейцария (90 км от МКАД, на берегах Рузского и Озернинского водохранилищ, 15 тыс. га), недалеко от которого будет расположено еще один гигант – «Другие берега» (1,2 тыс. га).

Судя по объемам жилья, которое предполагается построить, численность населения в этих поселках может достигать от нескольких десятков тысяч человек и более. Фактически это будут новые города с полноценной городской средой, рабочими местами и развитой инфраструктурой но с нетипичной пока для Подмосквья застройкой мало- и среднеэтажным жильем, которые будут усиливать формирование полноценного пригорода западноевропейского или североамериканского типа. Строительство таких масштабных проектов будет ускорять развитие процессов субурбанизации еще значительнее трансформируя сеть расселения, которая будет прирастать крупными коттеджными городками.

Казалось бы, что такой объем предложения может обвалить рынок коттеджного жилья или, по крайней мере, трансформировать его в сторону эконом-класса, но, если проанализировать предложение, то можно заметить, что все эти поселки по-прежнему ориентированы на бизнес-уровень и элиту, сохранив даже прежние тенденции в своем размещении – запад ближнего и среднего Подмосквья. Проекты «Рузская Швейцария» и «Другие берега» относятся уже к другой категории поселков, представляя собой курортно-развлекательные зоны с комплексом частных усадеб. Располагаясь в Рузском районе, который традиционно выполняет в Мос-

ковском регионе курортные функции, они еще сильнее усиливают его рекреационную специализацию.

К новым форматам загородного жилья можно отнести элитные загородные апартаменты и курортные поселки, которые сочетают близость к природе с развитой инфраструктурой и полным гостиничным сервисом, как, например, в сетевых поселках компании «Парк Групп» («Витро Вилладж Курор» и «Витро Вилладж Клуб»).

Еще один новый тип загородного жилья – это загородные усадьбы или резиденции. Площадь участка под такие усадьбы начинается от 1 га и более, помимо самого дома на нем располагаются дома для гостей, обслуживающего персонала и охраны, крытый бассейн, хозяйственные помещения и многое другое. Фактически это третий тип жилья, мода на который распространяется среди наиболее состоятельных слоев населения: квартира в центре Москвы для постоянного проживания, коттедж в ближнем Подмосквье для временного проживания или как второе постоянное жилье, а также резиденция в дальних пригородах для временного проживания. В настоящее время количество таких «дворянских усадеб» ограничено, но в системе расселения появился новый тип поселения. Наиболее перспективными для этих целей являются территории дальнего Подмосквья и соседних областей, где хорошие условия для рекреации сочетаются с наличием территориальных ресурсов, например, в районах Рузского, Можайского, Иваньковского водохранилищ, на берегах Оки и др.

Близки к усадьбам по своему формату и географии размещения дальние дачи (Туровская, 2008). Первые поселки этого типа были представлены довольно демократичными деревянными домами стоимостью в 100–150 тыс. долл. Их удачный опыт показал наличие спроса, который был связан с ростом цен на землю и активным дорожным строительством. В 2007 г. в структуре предложения на долю таких поселков приходилось около 8–10%, а в структуре спроса – 6–7%. В настоящее время этот сегмент представлен домами стоимостью 200–500 тыс. долларов со средней площадью от 160 до 300 кв. м, которые расположены на довольно больших участках (15–30 соток). Иметь дачу в дальнем Подмосквье на расстоянии 80–100 км от МКАД стало модным, в том числе и среди состоятельных покупателей. С появлением последних на рынок стали

выводиться и объекты, соответствующие сегменту бизнес-класса («Долина усадеб», «Ранчо», «Деревня Озерна», «Московское море», «Раздолье» и другие).

С появлением коттеджных поселков с разным типом жилья в последнее время девелоперы все чаще выводят на рынок мультиформатные (смешанные) городки, в которых таунхаусы соседствуют с коттеджами, а виллы и усадьбы – с клубными домами на пять-шесть квартир и апартаментами. Их формат связан, прежде всего, с возможностью увеличить плотность застройки и повысить рентабельность проектов в условиях постоянного удорожания земли. Кроме того, это позволяет застройщику дифференцировать риски, особенно если речь идет о крупном проекте, за счет значительного увеличения круга потенциальных покупателей. Соседство коттеджей таунхаусов и жилых комплексов позволяет достичь большего архитектурного разнообразия, предоставляет покупателям максимальную свободу выбора и возможность пользоваться развитой инфраструктурой, содержание которой за счет эффекта масштаба становится менее дорогим. Чаще всего разные типы застройки включены в состав масштабных загородных поселков. По оценкам экспертов, доля смешанных поселков составляет 20–30% от общего объема предложений, из них на элиту приходится примерно треть. География размещения таких поселков соответствует общим закономерностям территориальной организации отдельных сегментов рынка коттеджного жилья: большая часть смешанных поселков бизнес- и премиум-класса располагается на наиболее дорогих Новорижском, Минском, Киевском и Калужском направлениях, а поселки эконом-класса – на менее престижных подмосковных трассах.

Несмотря на появление и активное развитие новых сегментов рынка загородного жилья, по-прежнему, наиболее важным и распространенным элементом в системе сезонного расселения Московского региона остаются традиционные дачные и садово-огородные поселки. К 2004 г. на территории Московской области было свыше 1 млн. участков в садовых, огородных и дачных товариществах (с учетом индивидуальных садов и огородов граждан эта цифра достигает 1,8 млн. хозяйств). Для разных типов этих поселков характерны свои особенности в размещении по территории области. Дачи в большей степени тяготеют к зоне ближних и средних пригородов (85% всех дач), их

больше всего на западе (почти 40% площади всех дачных участков) и меньше всего на востоке. Садово-огородные поселки с более дешевым жильем сосредоточиваются в среднем и дальнем Подмоскowie, причем огородов больше на периферии области, особенно на юге, и меньше всего на западе (Махрова, 2005).

Таким образом, за счет размещения коттеджных и дачных поселков в ближнем Подмоскowie и западных направлениях и сдвига садово-огородного сегмента на восток, север и юг более удаленных районов области происходит территориальная стратификация загородного жилья и по качеству, и по социальному составу проживающих, и по целевому использованию (для сезонного и временного проживания).

Существенное преобладание всех «дачных» товариществ над организованными коттеджными поселками отражается и в структуре предложения разного вида владений на рынке загородного жилья Подмоскowie. Почти половина всего объема предложения приходится на коттеджи, расположенные вне границ организованных коттеджных поселков, в селах и в старых садово-дачных поселках (табл. 3). На традиционные дачи приходится четверть всего предложения, хотя они и являются наиболее распространенным типом загородных владений. Из-за относительного невысокого спроса, который к тому же часто удовлетворяется без привлечения риэлторов, на организованный рынок попадают дома либо уже модернизированные, либо с хорошим положением. Именно это обстоятельство объясняет относительно невысокий разброс средней удельной цены предложения: стоимость квадратного метра «дачного» жилья составляет 60% от стоимости 1 кв. м² коттеджа в организованном поселке и 80% вне коттеджного поселка.

Высокая стоимость загородных домов (которые аналитики определяют верхнюю границу коттеджей эконом-класса ценой в 500 (!) тыс. долл.) при невысоких доходах населения является наиболее важным фактором, сдерживающими субурбанизацию и массовое развитие рынка загородного жилья, прежде всего эконом-класса. Это приводит к тому, что сезонный характер проживания в загородном жилье является пока еще типичным проявлением российской специфики субурбанизации. Вместе с тем начинает развиваться стандартная субурбанизация, когда все более значительная часть домов в коттеджных, а также удачно расположенных дачных поселках начинает использоваться для

Таблица 3

Динамика предложения разных видов загородных владений

	Объем предложения, шт			Структура предложения, %			Цена предложения, \$/м ²		
	конец 2004 г.	конец 2005 г.	конец 2006 г.	конец 2004 г.	конец 2005 г.	конец 2006 г.	конец 2004 г.	конец 2005 г.	конец 2006 г.
коттеджи в поселках	1 537	2 145	2 194	18	18	21	1 452	1 868	2 257
коттеджи вне поселков	4 612	6 555	5 316	55	55	52	1 046	1 217	1 679
таунхаусы	110	146	188	1	1	2	1 257	1 394	2 058
дачи	2 251	3 072	2 630	26	26	25	768	895	1 326
всего	8 510	11 918	10 328	100	100	100	1 049	1 252	1 679

Составлено автором по материалам компании «МИЭЛЬ».

постоянного проживания. В зависимости от жизненного цикла семьи оно является вторым или единственным постоянным жильем. Следствием этих процессов стало появление загородных школ с высокими стандартами обучения частных поликлиник, а также наращивание элементов социальной инфраструктуры в самих коттеджных поселках (магазины, кафе, начальные школы и детские сады, службы быта, спортивно-оздоровительные комплексы, включая фитнес-центр, теннисный корт, поле для мини-гольфа, боулинг, аптечный пункт и др.), часто совместно используемых несколькими рядом расположенными поселками.

Таким образом, можно констатировать, что в системе расселения Московской области

активно происходят изменения, связанные с развитием загородного коттеджного строительства и быстрого появления загородных коттеджных поселков, застраиваемых жильем разного формата. Хотя в настоящее время они ориентированы на наиболее состоятельное население, в результате переселения москвичей на постоянное место жительства в города и коттеджные и дачные поселки Подмосковья сезонная субурбанизация начинает постепенно заменяться субурбанизацией западного типа. Однако сезонный характер проживания за городом для большинства населения из-за его массового распространения, как фактор унаследованного развития, сохранится еще в течение длительного времени.

Библиографический список

1. Городские квартиры на лоне природы завоевывают признание. Аналитический центр IRN.RU./ 10.08.2007 // www.irn.ru.
2. Загородный рынок: зависят ли цены от географии Аналитический центр IRN.RU/ 24.09.07 // www.irn.ru
3. Махрова А.Г. Трансформация системы расселения Московского региона в связи с развитием рынка жилья // Актуальные социально-экономические проблемы развития городов России. – М., 2005. – С. 118-128.
4. Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2006. – № 2. – С. 29–34.
5. Ручко С. Мегапроекты рынка загородной недвижимости // Недвижимость и цены. – 2006. – 15 июня.
6. Рынок загородной недвижимости в 2007 году: анализ, тенденции, перспективы Аналитический центр IRN.RU.20/07.07 // www.irn.ru
7. Стратегия комплексного развития территорий. Масштабный пригород // Недвижимость и цены. – 2007. – 26 февраля.
8. Туровская Д. Дальние дачи // Недвижимость и цены. – 2008. – 25 февраля.
9. Юзов К. Тенденция создания крупных загородных поселков в Подмосковье: в чем причина? // Квартира, дача, офис. – 2007. – 19 января.
10. Cities and Suburbs. A Harvard magazine roundtable // Harvard Magazine January–February 2000.

Н.В. Мкртчян
(г. Москва)

КРУПНЫЙ СИБИРСКИЙ ЦЕНТР ПЕРЕД ЛИЦОМ ДЕПОПУЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)

N.V. Mkrtchan

A MAJOR SIBERIAN CENTER FACING THE THREAT OF DEPOPULATION (CASE-STUDY OF IRKUTSK AGGLOMERATION)

On the basis of a case-study of Irkutsk agglomeration the author analyses peculiarities of demographic and migrational situation in a major Siberian city, focusing upon the detrimental effect of human resources deficit upon the perspectives of its rapid economic growth.

Многие десятилетия восточные регионы России увеличивали свое население достаточно уверенными темпами. Сравнительно благоприятное течение процессов воспроизводства населения, усиленное привлечением мигрантов – молодых, активных людей со всего СССР, позволяло быстро расти городам, осваивать территорию, прокладывать дороги и железнодорожные магистрали.

В последние годы все города Сибири столкнулись с серьезными проблемами, ставящими под вопрос возможность сохранения численности своего населения. Первая из них связана с начавшейся в первой половине 1990-х гг. повсеместной депопуляцией – но самые крупные города получили возможность возмещать эти потери за счет миграции. Теперь же, после сильного сокращения миграционного притока из стран СНГ и ослабления «западного дрейфа», миграционные потоки в города иссякают, по крайней мере, те, которые фиксирует официальная статистика. Недавно началось сокращение населения в трудоспособных возрастах, в ближайшее десятилетие оно будет очень быстрым.

Власти регионов и городов понимают, что снижение численности населения, трудовых ресурсов в перспективе поставит под вопрос возможность привлечения инвестиций, обеспечения рабочей силой многих отраслей городского хозяйства и важнейших градообразующих предприятий. И это только первый круг проблем.

На примере Иркутской области и Иркутской агломерации¹ попытаемся оценить особенности демографической и миграционной ситуации в крупном сибирском регионе, имеющем много возможностей для ускоренного экономического развития, но существенные ограничения трудового потенциала, «человеческого ресурса».

Демографическая ситуация. Иркутская агломерация фактически начала складываться во второй половине XX в. Еще в конце XIX в., по переписи 1897 г., население Иркутска составляло 51 тыс. человек², а другие поселения, ныне входящие в агломерацию, были представлены небольшими поселками. Однако уже к 1926 г. население города фактически удвоилось, а к 1939 г. достигло 250 тыс. человек. В 1951 г. Ангарск получил статус городского поселения. Ко времени переписи 1959 г. население трех районов области, формирующих нынешнюю агломерацию (Иркутский, Ангарский и Шелеховский, вместе с городами), составляло 581,5 тыс. человек. В 1962 г. статус города получил Шелехов (в 1959 г. население пгт Шелехов насчитывало 13 тыс. человек). Изменение численности населения городов и районов области, отнесенных к Иркутской агломерации, показано на рис. 1.

Ко времени переписи 1970 г. население агломерации увеличилось до 757 тыс. человек (прирост относительно предыдущей переписи

¹ По материалам проекта «Концепции Иркутской агломерации: полюса роста национального уровня (народонаселенческий аспект)», выполненного коллективом экспертов ЦСИ ПФО в 2007 г. по заказу Фонда регионального развития Иркутской области.

² Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. Сб. / Госкомстат России. – М., 1998. – С. 58

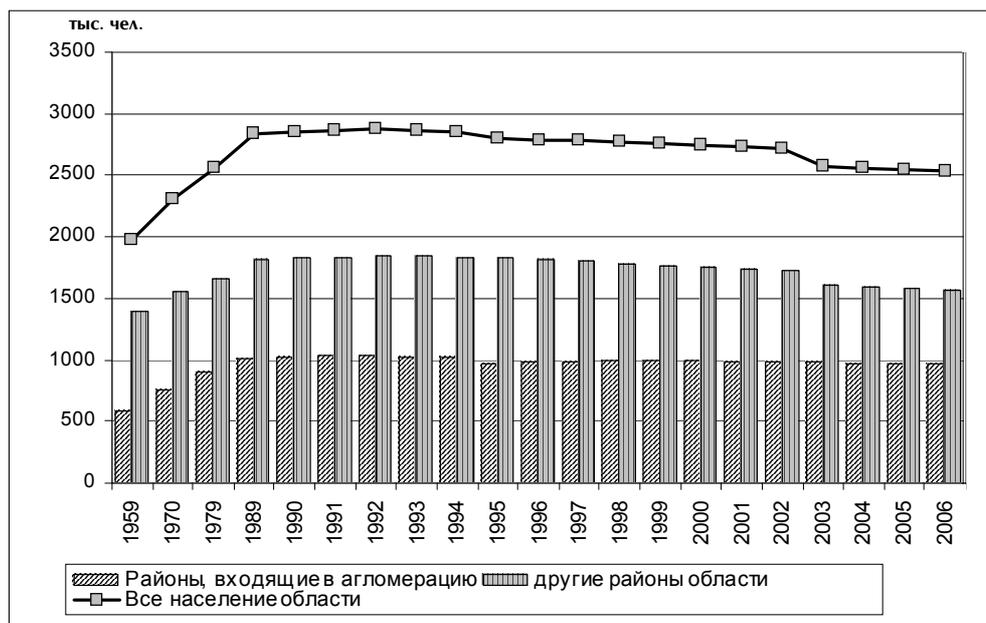

Рис. 1. Численность населения Иркутской области и районов, входящих и не входящих в состав Иркутской агломерации, 1959–2006 гг., (тыс. человек)

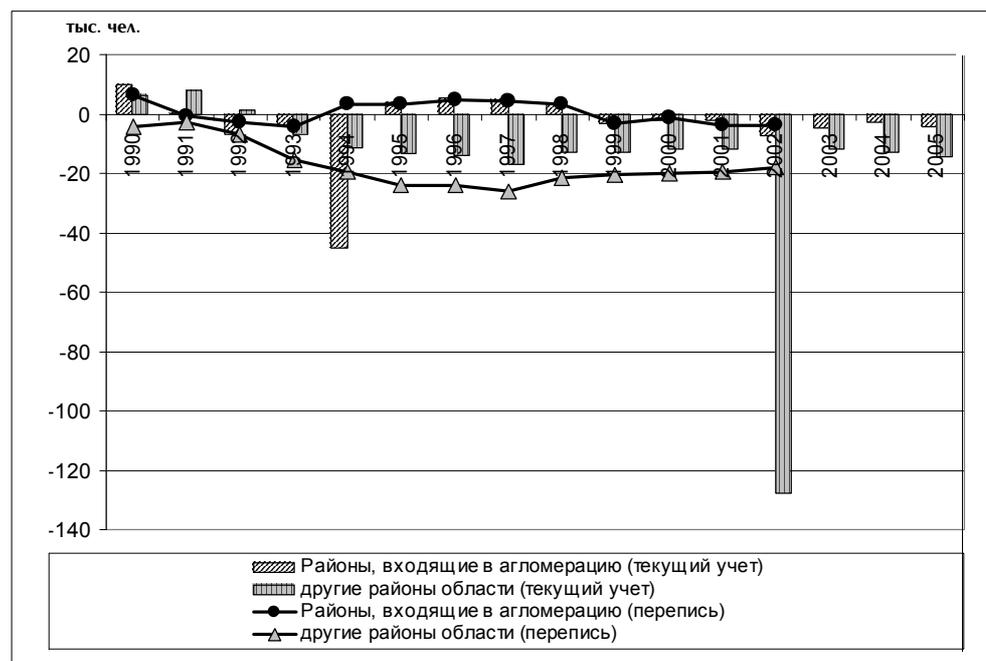

Рис. 2. Динамика численности населения городов и районов Иркутской области, входящих и не входящих в состав Иркутской агломерации, по данным текущего учета и расчетов от данных переписи населения 2002 г., (тыс. человек)

+185,5 тыс. человек), к переписи 1979 г. – до 901,8 тыс. (+144,8 тыс.), к 1989 г., по опубликованным данным, составило 1 млн. 10 тыс. человек. Однако по результатам пересчетов численности населения, выполненных от данных переписи 2002 г., численность населения

районов и городов, образующих агломерацию, не превышала на дату переписи 1989 г. 970 тыс. Дело в том, что при переписи 1989 г. к г. Иркутску были приписаны порядка 40 тыс. человек – видимо, т. н. «спецконтингент» или население ЗАТО, который таким способом

«секретились» согласно традиции советской статистики (пересчет численности населения Иркутска был произведен в 1994 г., в результате в 1995 г. публикуемые данные показали резкое сокращение численности населения города за год – на 45,2 тыс. человек, чего в реальности не было).

На рубеже 1990-х гг. население агломерации продолжало расти, но в 1991–1993 гг. оно медленно сокращалось. Затем снова последовал рост, в результате которого население городов и районов, входящих в агломерацию, достигло максимальной численности – к началу 1999 г. оно составило 987,7 тыс. человек (по данным переписи) или 991,2 тыс. (по ранее публикуемым данным текущего учета населения). С этого времени население Иркутской агломерации начало сокращаться.

Следует отметить, что население городов и районов, входящих в состав агломерации, все время росло быстрее, чем население области. Так, если в 1959 г. в них проживало 29,4% населения области, то в начале 2006 г. – 38,1%. Как видно на рис. 1, с самого начала 1990-х годов совокупное население городов и районов области, не входящих в агломерацию, сокращалось, причем темпы этого сокращения в середине 1990-х годов составляли 20–25 тыс. человек в год, к настоящему времени они снизились до 12–14 тыс. человек в год.

Перепись населения 2002 г. скорректировала численность населения Иркутской области в меньшую сторону, однако эта корректировка практически не коснулась Иркутска и городов агломерации. Убыль численности населения других районов области в 2002 г. в размере 128 тыс. человек (рис. 2) – это незафиксированный текущим учетом выезд населения за межпереписной период, прежде всего в другие регионы страны. Такой нерегистрируемый выезд был и из городов, и из районов агломерации, но он погасился за счет притока населения из других районов области.

Росстат предложил методику корректировки данных о подовой динамике численности населения и миграционном приросте за межпереписной период. По данной методике Иркутстат осуществил пересчет численности населения на уровне городов и районов области¹.

Изменения численности населения городов и районов, входящих в агломерацию, и других

районов области взаимосвязаны. Всего за 1990–2005 гг. численность населения агломерации фактически не изменилась (снизилась на 6,7 тыс. человек), в то же время население других городов и районов Иркутской области сократилось на 261,1 тыс. человек, или на 14,3%. Это население такого города, как Ангарск. Фактически все наблюдаемое статистикой сокращение численности населения Иркутской области сложилось «благодаря» районам.

За счет чего складывалась подобная динамика убыли населения? Естественная убыль населения в Иркутской области устойчива с 1993 г.: с этого времени она составила -135,8 тыс. человек (с 1990 г. число умерших превысило число родившихся на 102,6 тыс. человек). Остальное сокращение населения области (за 1990–2005 гг. – 158,5 тыс. человек, или 60% сокращения населения) обусловлено миграцией – прежде всего, в районы страны, расположенные к западу от области.

Естественно, за рассматриваемый период времени между районами и городами, входящими в агломерацию, и другими населенными пунктами области шел миграционный обмен, который складывался в пользу агломерации. Данные переписи населения позволили реально оценить составляющие динамики численности населения (рис. 3).

Динамика компонентов роста (убыли) населения Иркутской области представлена на рис. 4, который показывает, что максимальный рост (за счет процессов как естественного, так и механического движения населения) отмечен в 1960-х годах, потом темпы роста населения снижались. На рубеже 1980-х–1990-х гг. и в начале 1990-х отмечался миграционный отток из области, который в 1994–95 гг. сменился приростом за счет существенной миграции в область из стран СНГ. На рис. 4 видно, насколько незначительным был этот поток в сравнении с данными 1960–1980 гг. Затем и этот поток иссяк.

Следует говорить, что, приводя данные по миграционному приросту населения области (а также, в других случаях, районов и городов), мы оперируем данными официальной статистики, которая получает информацию, основанную на разработке листов статистического учета мигрантов при регистрации по месту постоянного жительства. Эта статистика не учитывает мигрантов, зарегистрированных

¹ Ретроспективная численность населения по городам и районам Иркутской области в 1989–2002 гг. Статистический сборник. Иркутскстат, 2006.

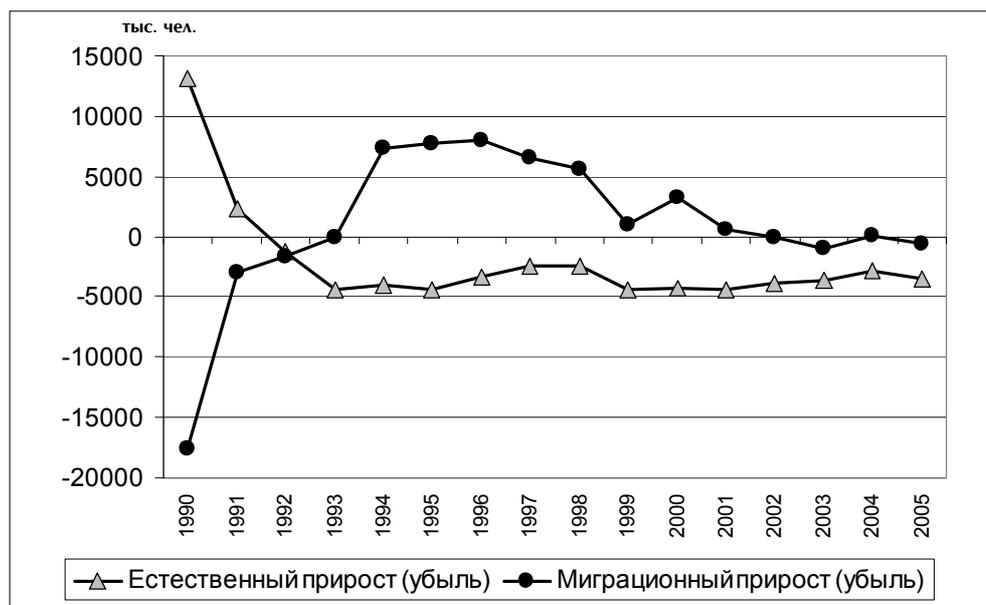

Рис. 3. Динамика причин изменения численности населения Иркутской агломерации (с учетом пересчетов от итогов переписи населения 2002 г.)

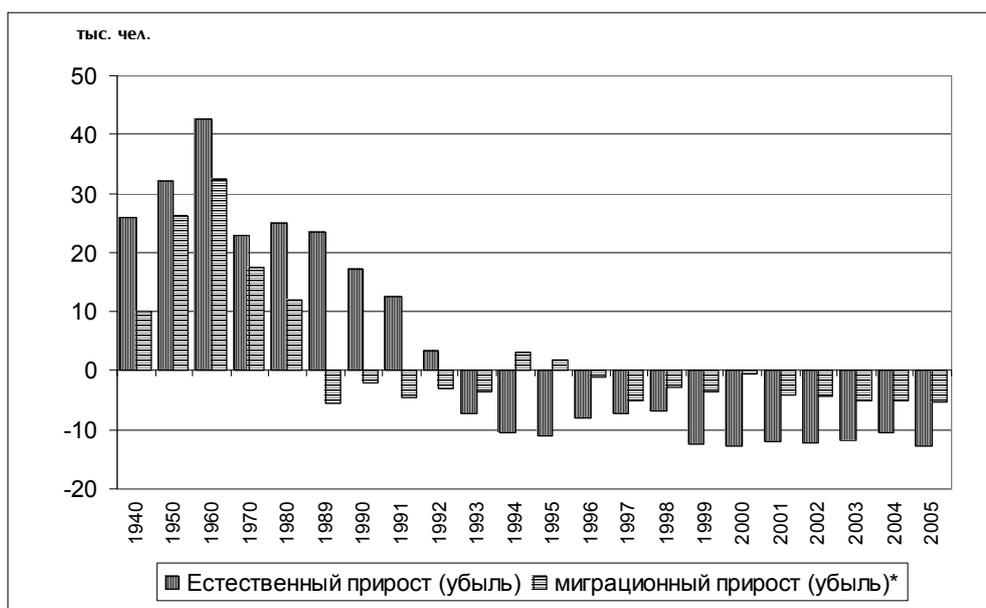

Рис. 4. Составляющие динамики численности населения Иркутской области в 1989–2005 гг.¹

по месту пребывания, а также тех, кто живет в городах и районах области, не имея никакой регистрации.

В то же время эта статистика не учитывает тех, кто уехали из области (районов, городов) и не менял место постоянной прописки.

¹ Источник: Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. Сб. / Госкомстат России. – М., 1998; Данные Росстата России.

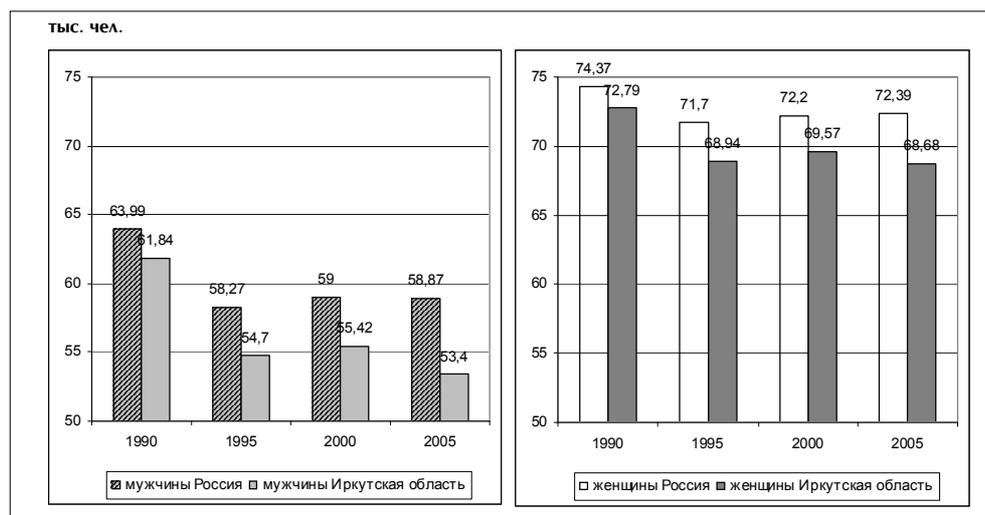

Рис. 5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин и женщин в Иркутской области в сравнении с общероссийскими данными (лет)

Как уже говорилось, в Иркутской области превышение числа умерших над числом родившихся отмечено с 1993 г., и ситуация не имеет тенденции к стабилизации. Естественная убыль отмечена и по городскому и по сельскому населению.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) сократился с 2,243 (в 1990 г.) до 1,446 (в 1995 г.) и 1,255 (в 1999 г.), к настоящему времени (2005 г.) он увеличился до 1,406, что существенно ниже уровня простого воспроизводства населения. СКР городского населения в 2005 г. составлял 1,302, сельского – 1,908. Суммарный коэффициент рождаемости в Иркутской области выше среднероссийского на 0,1–0,2 ребенка.

Уровень рождаемости по городам и районам, входящим в состав Иркутской агломерации, не имеет принципиальных отличий от среднеобластных показателей.

Ситуацию со смертностью населения в наиболее общем плане характеризует показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОПЖ) при рождении. В отличие от ситуации с рождаемостью, в Иркутской области отмечаются существенные отличия от общероссийских данных в худшую сторону (рис. 5). При том, что показатель

ОПЖ в России чрезвычайно низок по сравнению со странами, сопоставимыми по уровню социально-экономического развития. В Иркутской области ОПЖ мужчин на 3,5–5,5 года ниже среднероссийского уровня, женщин – на 2,5–3,5 года. Если в России ОПЖ мужчин при рождении в 2005 г. приблизительно соответствовала этому показателю в таких странах, как Йемен (59 лет) и Мьянма (57 лет)¹, то ОПЖ мужчин Иркутской области (53,4 года) находится на уровне Сенегала (53 года) и Мадагаскара (53 года). Ниже ОПЖ мужчин только в странах Африки к югу от Сахары, существенно пораженных эпидемией ВИЧ/СПИДа.

Тяжелая ситуация со смертностью в Иркутской области в большой степени обусловлена спецификой причин смерти.

Так, в 2005 г. в Иркутской области коэффициент смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний был выше среднероссийского уровня почти в 2 раза, в частности: от болезней органов дыхания – в 1,4 раза; от внешних причин, травм и отравлений – в 1,55 раза. Существенно выше в области уровень смертности от самоубийств – в 1,7 раза, от отравлений алкоголем – в 1,55 раза выше среднего по стране уровня².

¹ Все страны мира. «Население и общество» – Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН №93, август 2005 г.

² Основные показатели работы лечебно-профилактических учреждений Иркутской области за 2005 год. ГУ здравоохранения Иркутской области. – Иркутск, 2006. – С. 11.

Указанные причины чаще всего становятся причиной смерти молодого мужского населения.

В будущем ситуацию в Иркутской области осложнит высокая (в сравнении со среднероссийской) распространенность ВИЧ/СПИД (в 3,3 раза). Показатель пораженности ВИЧ-инфекцией всего населения Иркутской области составил 0,9% при среднем российском – 0,2%. По прогнозу численность ВИЧ-инфицированных в области к 2010 г. достигнет 35 тыс.¹, что составит 133 человека на 100 тыс. населения.

Среди людей активных репродуктивных возрастов доля инфицированных и больных СПИД будет еще выше. Как следствие, возрастает число детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей.

В Иркутской области выше, чем в среднем по России, уровень младенческой смертности (12,5 на 1000 родившихся живыми против 11,0), хотя в последние годы этот разрыв сокращается. Кроме того, города, входящие в состав агломерации, имеют показатели младенческой смертности ниже средних по области (в Ангарске в 2005 г. этот показатель составил 4,6 на 1000 родившихся)².

Общие коэффициенты смертности в Иркутске, Ангарске и Шелехове немного ниже среднеобластных, что является, по всей видимости, результатом лучшей организации системы здравоохранения в городах, формирующих агломерацию.

Демографические процессы последних лет серьезно повлияли на *возрастно-половую структуру* населения области. Самое существенное изменение связано с общим старением населения: если в 1989 г. средний возраст населения области составлял 31,6 года (все население России – 32,8 года), то к 2002 г. он возрос до 35,4 лет (Россия – 37,1 года). В меньшей мере изменился средний возраст мужского населения области – с 29,7 года до 31,1 года (Россия – 30,5 и 34,1 года) из-за темпов роста смертности молодых мужчин, опережающих среднероссийские показатели. Т. е. население области продолжает оставаться относительно более молодым, но это в значительной степени связано с негативными тенденциями смертности.

Старение населения области в целом и городов и районов, формирующих агломерацию,

связано, прежде всего, с сокращением доли детей. Возрастно-половые пирамиды, представленные на рис. 6, дают общее представление о специфике процессов старения по районам и городам, входящими и не входящими в агломерацию.

Из рис. 6 и табл. 1 видно, что возрастная структура населения городов и районов, входящих в агломерацию, претерпела менее серьезные изменения, чем население других городов и районов области. Так, число детей в возрасте 0–4 лет в агломерации в 2002 г. составило 55,0% от уровня 1989 г., а в других районах и городах – 47,3%.

Изучение динамики возрастно-полового состава с использованием метода передвижки возрастов позволяет также видеть, что города и районы, входящие в агломерацию, привлекали в последние годы молодое население. Если сравнить численность населения в возрасте 0–4 года и 5–9 лет в 1989 г. и, соответственно, 15–19 и 20–24 лет в 2002 г. (между переписями прошло 14 лет), видно, что в агломерации увеличение населения данных когорт составило примерно 20% (хотя оно могло только уменьшаться вследствие естественных причин). Вероятность «дожития» от возраста 1 года до 15 лет в 1999 г. в России составляла у мужчин 98,9%, у женщин – 99,3%; в возрасте от 5 до 20 лет – 98,3% и 99,2% соответственно³. Напротив, население соответствующих возрастов в других районах области сократилось за указанный срок на 25–30%. Это – результат перераспределительного влияния миграции, в т. ч. учебной. И это один из основных «плюсов» агломерации, который виден уже сейчас – ее способность притягивать молодое активное население из других районов области.

К позитивным моментам изменения возрастной структуры населения Иркутской агломерации следует отнести увеличение доли населения в возрасте 15–24 лет (рис. 7) – это известная общероссийская тенденция. Однако эта ситуация очень скоро сменится на противоположную, т. к. в данный возраст войдут поколения родившихся в 1990-х гг. Это с неизбежностью сократит контингенты потенциальных абитуриентов вузов и учреждений среднего профессионального образования.

¹ По прогнозу Департамента здравоохранения Иркутской области.

² Основные показатели работы лечебно-профилактических учреждений Иркутской области за 2005 год. ГУ Здравоохранения Иркутской области. – Иркутск, 2006. – С. 9.

³ Демографический ежегодник России 2002. Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2002.

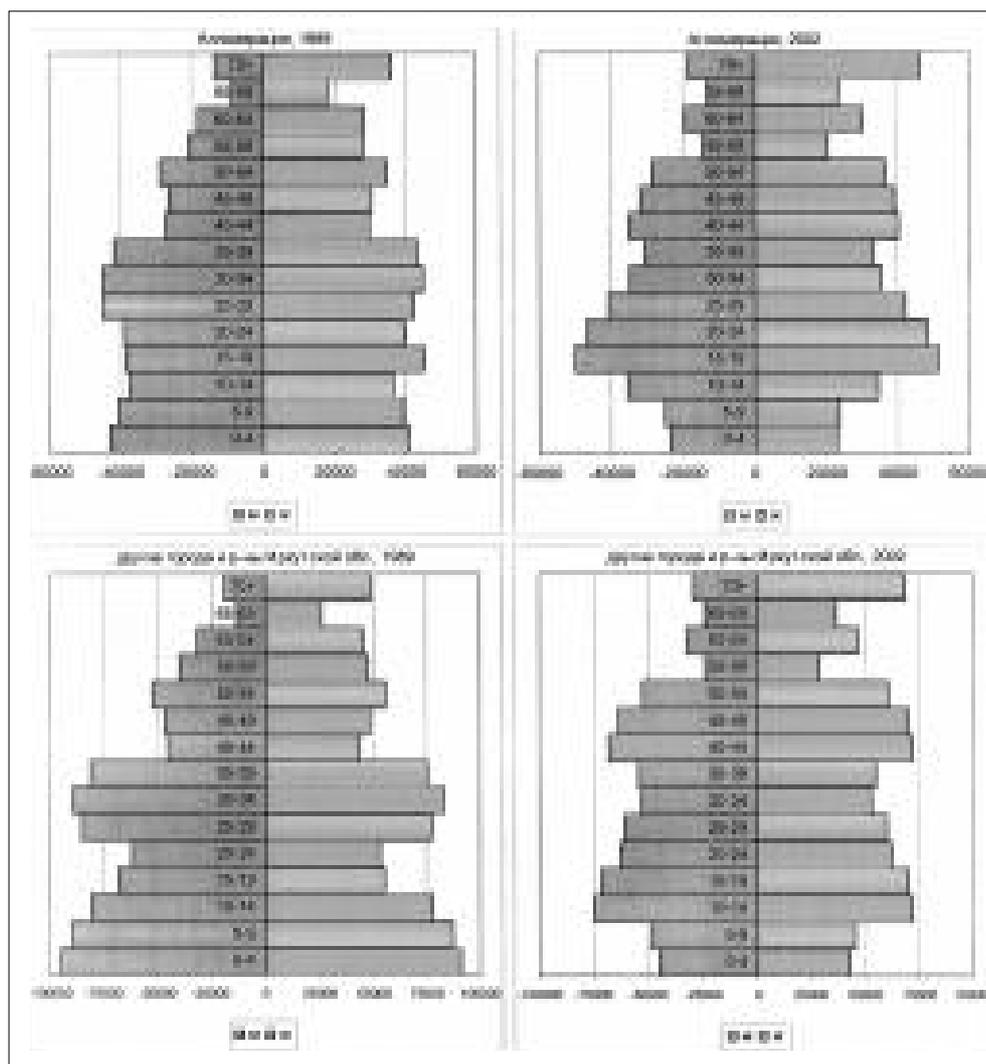

Рис. 6. Возрастно-половой состав населения городов и районов, входящих и не входящих в агломерацию, по данным переписей населения 1989 и 2002 гг.¹

Согласно последнему демографическому прогнозу, опубликованному Росстатом², в России ожидается рост рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости увеличится до 1,64 к 2025 г.) и снижение смертности (ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличится на 2,6 года). Будет увеличиваться прирост населения и за счет внешней миграции (до 438 тыс. человек в год к 2025 г.). При этом

население в возрасте моложе трудоспособного будет незначительно расти, в трудоспособном – снижаться, а старше трудоспособного – увеличиваться достаточно высокими темпами.

Согласно данному прогнозу, население Иркутской области будет сокращаться, причем более высокими темпами, чем население страны в целом (рис. 8). При этом прогноз исходит из предпосылки, что суммарный коэффициент

¹ Источники: Половозрастная характеристика населения области (по данным переписи населения 1989 г.) – Иркутск, Иркoblстат 1990; Возрастно-половой состав и состояние в браке по Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский АО. Ч. 1. – Иркутск, Иркутскстат, 2004.

² Предположительная численность населения России до 2025 года (Статистический бюллетень). – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005.

Таблица 1

**Численность населения по 5-летним возрастным группам
в Иркутской области и ее частях по данным переписей 1989 и 2002 г., человек**

	1989			2002		
	Иркутская область	Агломерация	другие районы	Иркутская область	Агломерация	другие районы
Всего	2 824 920	1 010 004	1 814 916	2 581 705	975 560	1 606 145
0–4	269 557	83 977	185 580	133 886	46 184	87 702
5–9	256 869	79 809	177 060	142 267	48 620	93 647
10–14	231 972	73 545	158 427	215 986	69 821	146 165
15–19	207 281	83 646	123 635	242 594	101 307	141 287
20–24	193 366	78 456	114 910	219 707	94 984	124 723
25–29	249 705	87 174	162 531	203 095	82 487	120 608
30–34	261 748	89 548	172 200	175 849	69 886	105 963
35–39	241 274	85 130	156 144	173 190	64 170	109 020
40–44	146 794	57 370	89 424	215 042	75 106	139 936
45–49	152 168	56 886	95 282	204 750	71 221	133 529
50–54	172 140	63 544	108 596	177 827	64 983	112 844
55–59	136 123	48 726	87 397	86 747	34 697	52 050
60–64	123 003	46 327	76 676	128 402	49 199	79 203
65–69	65 975	26 469	39 506	96 744	36 514	60 230
70+	116 945	49 397	67 548	162 799	64 919	97 880

Изменения численности населения
по отдельным возрастным группам в 2002 г. по сравнению с 1989 г.:

	Тыс. чел.			%		
	Иркутская область	Агломерация	другие районы	Иркутская область	Агломерация	другие районы
Всего	-243,2	-34,4	-208,8	91,4	96,6	88,5
0–4	-135,7	-37,8	-97,9	49,7	55,0	47,3
5–9	-114,6	-31,2	-83,4	55,4	60,9	52,9
10–14	-16,0	-3,7	-12,3	93,1	94,9	92,3
15–19	35,3	17,7	17,7	117,0	121,1	114,3
20–24	26,3	16,5	9,8	113,6	121,1	108,5
25–29	-46,6	-4,7	-41,9	81,3	94,6	74,2
30–34	-85,9	-19,7	-66,2	67,2	78,0	61,5
35–39	-68,1	-21,0	-47,1	71,8	75,4	69,8
40–44	68,2	17,7	50,5	146,5	130,9	156,5
45–49	52,6	14,3	38,2	134,6	125,2	140,1
50–54	5,7	1,4	4,2	103,3	102,3	103,9
55–59	-49,4	-14,0	-35,3	63,7	71,2	59,6
60–64	5,4	2,9	2,5	104,4	106,2	103,3
65–69	30,8	10,0	20,7	146,6	138,0	152,5
70+	45,9	15,5	30,3	139,2	131,4	144,9

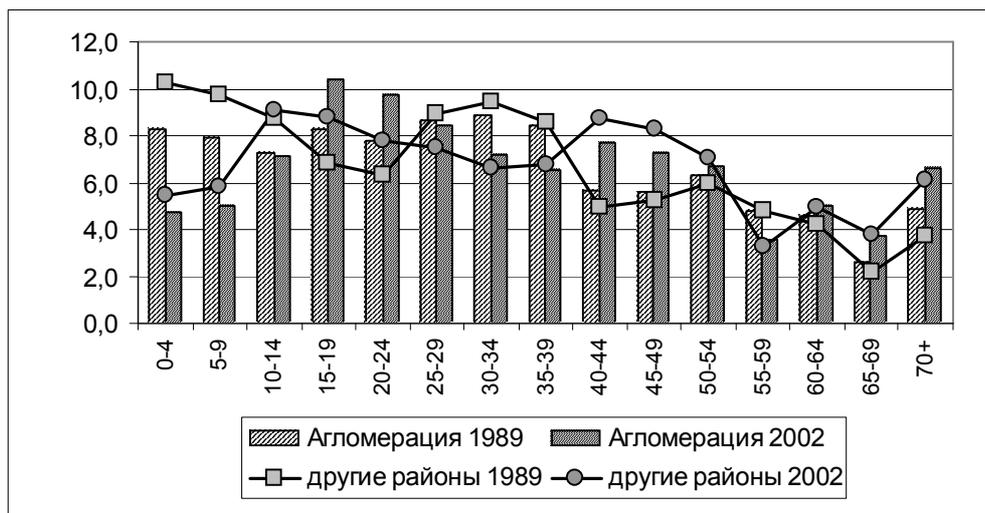

Рис. 7. Распределение населения по 5-летним возрастным группам в городах и районах агломерации и других районах Иркутской области в 1989 и 2002 гг., (%)

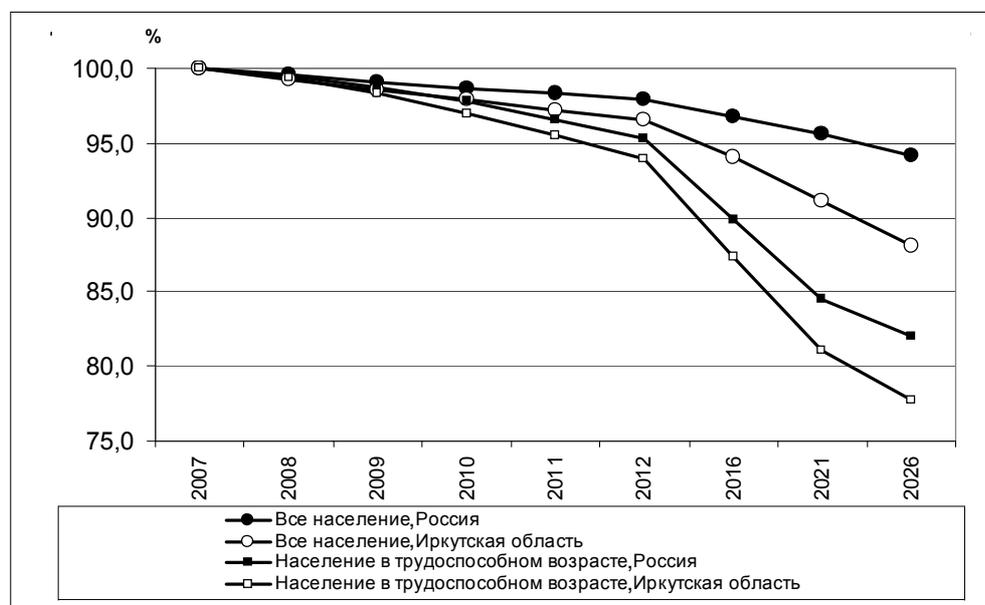

Рис. 8. Прогноз динамики численности населения России и Иркутской области, в т. ч. населения в трудоспособном возрасте (2007 г. = 100%)

рождаемости по Иркутской области будет выше, чем в целом по стране (1,782 против 1,649 в 2025 г.), т. е. нынешний «отрыв» области сохранится.

Однако сохранится и более высокий уровень смертности. ОПЖ при рождении в Иркутской области у мужчин составит в 2025 г. 57,7 года, у женщин – 72,0 года (по России – 61,9 и

74,8 года соответственно). Т. е. прогноз исходит из предпосылки о сохраняющемся разрыве в уровнях смертности населения Иркутской области со страной в целом.

Важное условие, заложенное в прогнозе: в Иркутской области сохранится миграционный отток населения в размере 5–6 тыс. в год (-20/-30 человек на 10 тыс. населения), в то

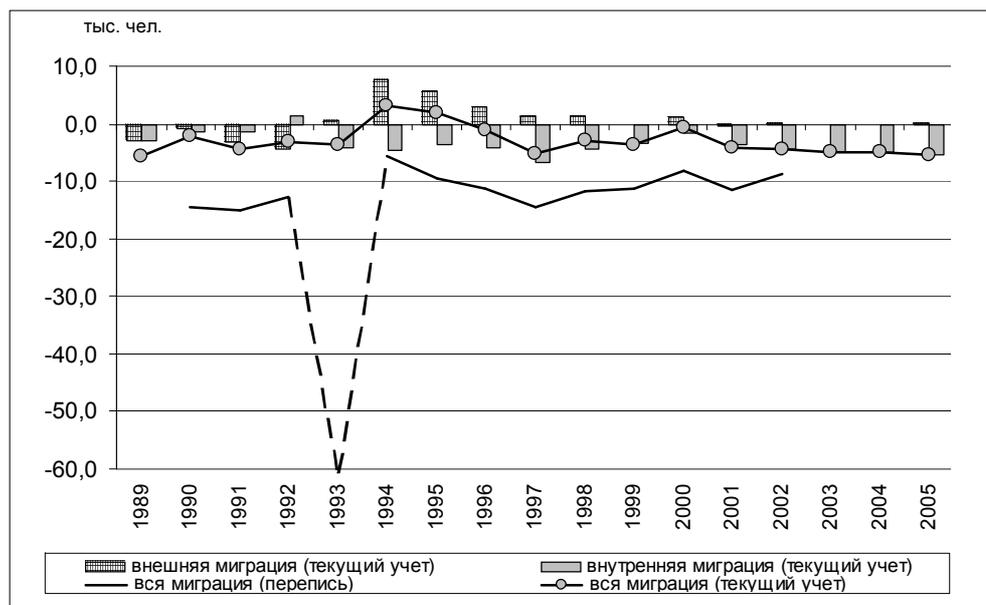

Рис. 9. Нетто-миграция населения Иркутской области за 1989–2005 гг. по основным потокам

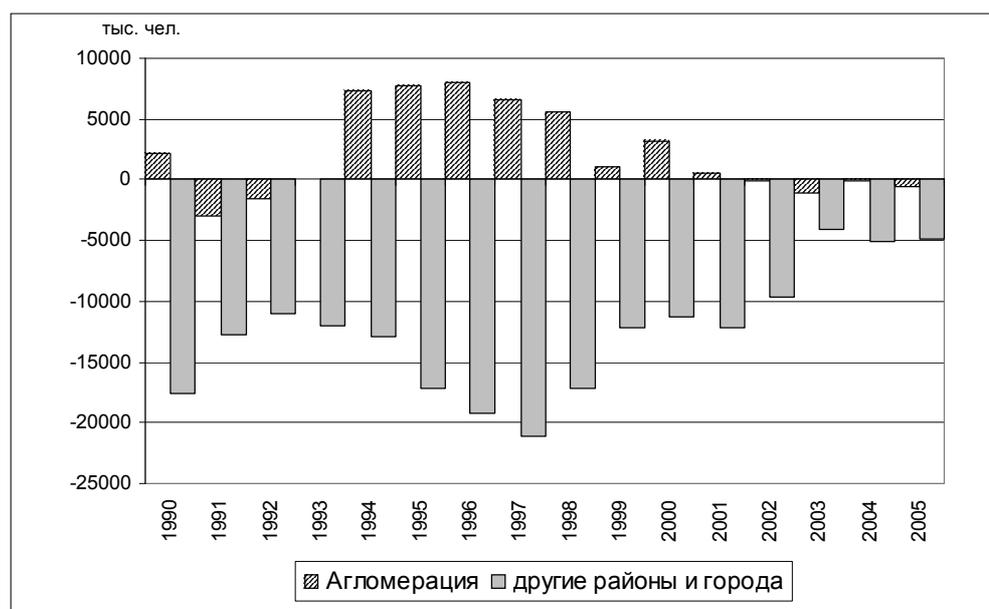

Рис. 10. Миграция населения Иркутской области по результатам переписи 2002 г. (до 2002 г.) и расчетам на основе данных текущего учета населения (2003–2005 гг.)

время как в России в целом миграционный приток увеличится с 10 до 30 в расчете на 10 тыс. населения.

Таким образом, видно, что влиять на демографическую ситуацию области можно, прежде всего, путем всемерного противодействия

аномально высокой смертности и создания условий для сокращения миграционного оттока населения в другие регионы страны. Возможно, есть вероятность немного ускорить рост рождаемости в области (например, достичь показателя рождаемости в 1,8 детей на

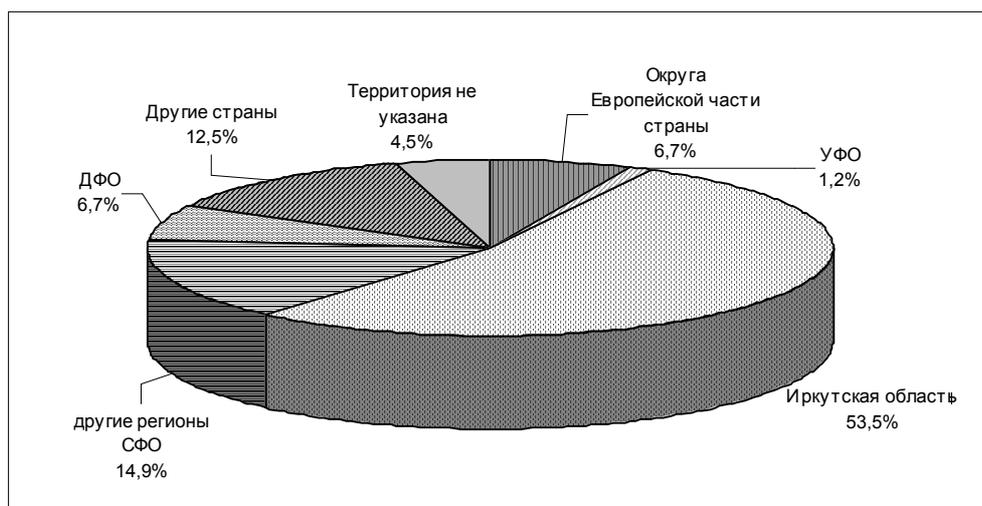

Рис. 11. Население Иркутской области, менявшее место жительства с 1989 по 2002 г., по месту прежнего жительства¹

женщине к 2025 г., а к 2015), однако эти меры дадут эффект для экономики области не ранее, чем через 20 лет. К тому же, если ничего не делать для того, чтобы удержать население, меры поддержки рождаемости будут бессмысленны – и с социальной, и с экономической точки зрения.

Миграционная ситуация. Городское население Иркутской области на протяжении всего советского периода росло достаточно высокими темпами благодаря миграции. Этот рост был обеспечен как за счет сельско-городской миграции в пределах области (в 1970-е годы сельское население области ежегодно имело миграционную убыль более 2% в год, в 1980-е – более 1%²), так и за счет притока населения из других частей страны, главным образом, из регионов Европейской части бывшего СССР. В то время население области увеличивалось за счет и естественного, и миграционного прироста.

С началом 1990-х годов ситуация изменилась. По данным последней всероссийской переписи населения, область с 1991 г. испытывала миграционную убыль населения. Это было связано, прежде всего, с новыми тенденциями миграции, характерными для России в целом:

начавшимся выездом населения из районов Севера и формированием нового направления перераспределения населения в пределах всей страны – т. н. «западного дрейфа».

Выезд с иркутских «северов» шел не только в более южные и западные регионы России, но и в бывшие республики СССР, особенно в начале 1990-х годов. Одновременно область стали прибывать мигранты из стран СНГ – вынужденные мигранты и репатрианты. Поначалу в этом потоке резко преобладало русскоязычное население, затем – экономические мигранты (представители титульных народов этих стран).

В течение 1991–2000 гг., согласно данным текущего учета, Иркутская область потеряла во внутрисероссийской миграции 33,9 тыс. человек. При этом миграционный отток в регионы, расположенные к западу от области, составил 66,9 тыс. человек, однако он был наполовину компенсирован миграцией в область с востока – из Бурятии, Читинской области и регионов Дальневосточного ФО (+33,0 тыс.). В 2001–2005 гг. потери области составили 21,8 тыс. человек, при этом отток в западные области составил 29,6 тыс., а приток с востока – 7,8 тыс. Таким образом, в последние годы ежегодные потери населения области за счет миграции на

¹ Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

² Численность, состав и движение населения в РСФСР. – М.: РИИЦ Госкомстата РСФСР, 1990. – с. 47.

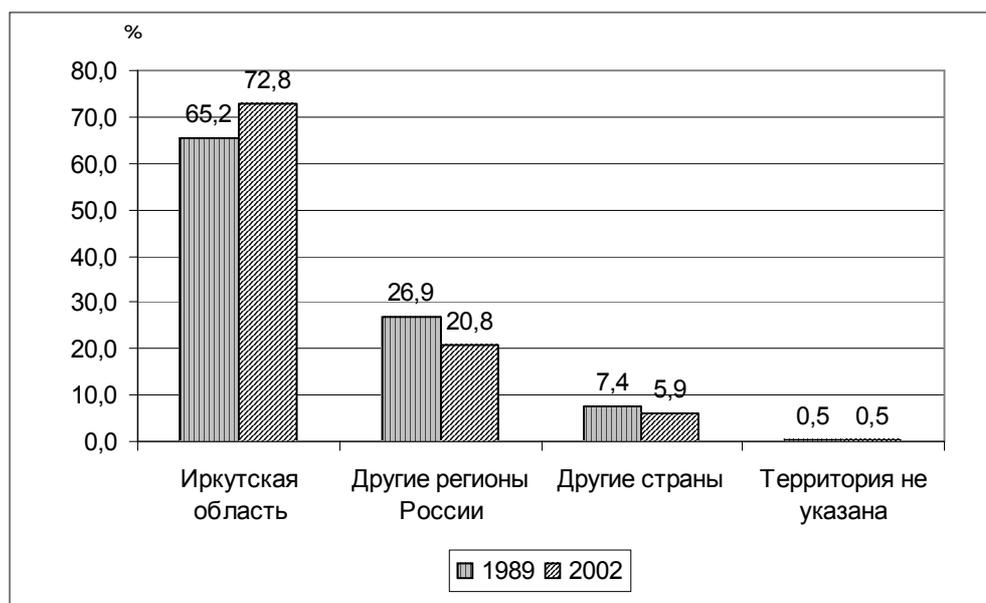

Рис. 12. Распределение жителей Иркутской области по месту рождения по данным переписей населения 1989 и 2002 гг.

запад были на уровне 1990-х гг., а компенсация потерь за счет миграции с востока снижалась более чем вдвое.

Если принять во внимание потери населения области, выявленные переписью населения (отклонение данных переписи от данных текущего учета населения составило более 100 тысяч человек), то выезд на запад из Иркутской области составил, по всей видимости, вдвое больше, чем показывали данные текущего учета миграции. Ростат осуществил пересчет общих итогов миграции в Российской Федерации, а также всех ее регионов от результатов переписи населения 2002 г. Согласно этим данным, в течение 1990-х годов миграционные потери населения Иркутской области составляли ежегодно 10–15 тыс. человек (рис. 9). При этом данные переписи за 1993 г. не должны вводить в заблуждение: это корректировка данных по приписанным к области спецконтингентам

Произведенные недавно Росстатом ретроспективные оценки динамики численности населения городов и районов области и ее основных компонент позволяют оценить роль миграции в динамике численности населения непосредственно городов и районов, входящих в состав агломерации, а также, отдельно – других районов Иркутской области (рис. 10). Согласно им, за 1990–2002 гг. миграционный прирост агломерации составил 37,5 тыс. человек, а миграционные потери других районов

и городов области 186,3 тыс. человек. За это время имел место положительный баланс внешней (международной) миграции, правда, о его объемах данные переписи судить не позволяют (по данным текущего учета, не самого полного, миграционный прирост составил 12,3 тыс. человек). По всей вероятности, большая часть этого прироста пришлось на города агломерации.

Как видно из рис. 10, города и районы, не входящие в агломерацию, в межпереписной период ежегодно теряли за счет миграции не менее 10 тыс. человек, а в отдельные годы – и до 20 тыс. Какая доля этих потерь приходилась на счет миграции в города агломерации, а какая – на выезд за пределы области – не ясно. Ведь сами жители агломерации выезжали в другие регионы страны, и миграция из других районов области восполняла эти потери.

С известными оговорками, ниже мы будем пользоваться данными в основном только текущего учета миграции, т.к. скорректированные от переписи данные нельзя разложить по «структурным» составляющим.

Согласно данным переписи населения, к концу 2002 г. на территории области проживали 348 тыс. человек, которые с 1989 г. меняли место постоянного жительства, т.е. 13,5% населения области в этот период участвовали в миграции. В России доля населения, менявшего место жительства в этот период, составляет

также 13,2%, т. е. область по данному показателю находится на среднероссийском уровне.

При этом только 162 тыс. человек (46,5%) проживали в других регионах и странах, остальные сменили место жительства в пределах области (рис. 11). В то же время в других регионах России проживали 143,6 тыс. иркутян. Сколько иркутян выехало в другие страны, данные всероссийской переписи прояснить не могут.

О реальном спаде миграционной активности населения области в течение последних полутора десятилетий свидетельствуют данные о распределении жителей области по месту рождения (рис. 12).

Видно, что за период 1989–2002 гг. в населении области существенно сократилась доля уроженцев других регионов страны и других стран. Это произошло, помимо сокращения прибытий в область, в результате возвратной миграции уроженцев других регионов к месту своего рождения или выезда их в другие регионы страны и другие страны.

Межгосударственная миграция. В силу своего географического положения (область находится на периферии основного миграционного потока, направленного из стран СНГ в регионы Европейской части страны), миграция из стран СНГ не оказала существенного влияния на население области. По интенсивности миграционного прироста за счет внешней миграции в 1990-х и первой половине 2000-х гг. область находилась в седьмом десятке регионов России. Даже среди сибирских регионов по данному показателю она уступала Алтайскому краю, Новосибирской, Кемеровской областям, Хакассии и Красноярскому краю, Омской области¹.

Хужеситуация была только в Бурятии и Читинской области, миграционный баланс которых с другими странами был отрицательным.

По данным текущего учета, с 1992 г. в Иркутскую область из стран СНГ и Балтии прибыли 69 тыс. человек, выбыли – 46 тыс. человек. В миграции со странами дальнего зарубежья (Германией, Израилем) область потеряла 7 тыс. человек. В течение 1990-х годов объемы регистрируемой миграции со странами СНГ

снижались, с 2001 г. число мигрантов из стран СНГ, регистрирующихся по месту жительства, не превышает 1 тыс. человек. В середине 1990-х гг. миграционный прирост населения играл заметную роль в компенсации потерь населения области за счет внутренней миграции и депопуляции.

Распределение мигрантов по странам исхода показывает, что в Иркутской области преобладают уроженцы Украины и Белоруссии (в 2002 г. на эти страны приходилось более половины уроженцев стран СНГ, проживающих в Иркутской области), а также Казахстана (23%) (табл. 2). В последние годы в структуре мигрантов относительно много выходцев из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Доля мигрантов из стран Закавказья, увеличившаяся в 1990-е годы, в последнее время сократилась.

По данным переписи населения 2002 г., среди выходцев из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и стран Балтии преобладали русские, среди выходцев из стран Закавказья, Таджикистана, Украины и Белоруссии – коренные народы этих стран.

Выезд из Иркутской области осуществляется в основном на Украину (43% в 1992–2002 гг. и 29% в 2003–2005 гг.), в Белоруссию (10% и 11% соответственно) и Казахстан (14% и 11% соответственно), а также страны дальнего зарубежья (16% и 38% соответственно).

В 2006 г. в Иркутскую область на официальной основе привлекались 10,8 тыс. иностранных работников², почти 90% из них были выходцами из стран дальнего зарубежья. По другой информации, численность иностранных работников составила 7,2 тыс. человек³. Заявка на привлечение иностранной рабочей силы на 2007 г. составила 21,1 тыс. человек, в основном увеличение потребности касалось также мигрантов из стран дальнего зарубежья.

Основная потребность в иностранных работниках формируется строительными организациями г. Иркутска.

Однако эти цифры не включают мигрантов, пребывающих и работающих в области на нелегальной основе, без должного оформления. Считается, что в России легальная трудовая миграция составляет 10–15% от ее

¹ Регионы перечислены в порядке сокращения показателя интенсивности миграционного прироста за счет внешней миграции.

² По информации УФГСЗН по Иркутской области.

³ По информации УФМС по Иркутской области.

Таблица 2

**Структура миграции из стран СНГ и Балтии в Иркутской области
по странам выхода, %**

	Уроженцы (переписи 1989 и 2002 гг.)		ранее проживали (перепись)	прибыли из (текущий учет):	
	1989	2002	2002	1992–2002	2003–2005
Все страны СНГ и Балтии	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Украина	48,2	39,9	20,8	20,1	28,5
Белоруссия	14,4	10,7	3,6	4,6	7,4
Молдавия	2,0	2,2	2,3	4,3	3,5
Страны Балтии	2,4	2,0	2,1	3,7	1,4
Грузия	2,2	2,3	3,2	4,3	1,4
Армения	0,9	3,3	7,1	4,3	2,5
Азербайджан	2,8	3,9	5,9	6,2	1,2
Казахстан	18,2	22,9	30,2	25,0	31,1
Узбекистан	4,1	5,1	9,4	13,9	17,5
Киргизия	2,7	4,2	6,9	5,0	12,3
Туркмения	0,7	0,7	1,2	4,0	2,0
Таджикистан	1,2	3,0	7,3	4,5	6,0

реальных объемов. Представляется, что в Иркутской области соотношение более смещено в сторону нелегальной, т. к. в структуре иностранных трудящихся преобладают выходцы из Китая, которых в силу объективных причин проще контролировать

Оценки масштабов нелегальной миграции в 140 тыс. человек¹ представляются завышенными, как и оценки лидеров диаспор, согласно которым в области находятся на постоянной и временной основе 40 тыс. азербайджанцев, 30 тыс. таджиков и т. п. Гораздо более взвешенной и соответствующей реальности можно считать позицию УФМС России по Иркутской области, которое оценивает численность нелегальных мигрантов в области в размере 15–20 тыс. человек.

В Иркутской области в 2006 г. зарегистрировано по месту пребывания 95,1 тысяч иностранных граждан, из них в городах и районах агломерации – 43,9 тыс. (46% от общего количества по области). Кроме того, в области по месту пребывания за-

регистрированы 56,4 тыс. граждан России, в т. ч. в городах и районах агломерации – 31,5 тыс. (или 56% от общего количества по области)². Эти данные показывают, что в городах агломерации сравнительно с другими городами и районами области велики масштабы временной миграции.

Новое миграционное законодательство, введенное в действие 15 января 2007 г., уже дало первые результаты, прежде всего с точки зрения увеличения легальной составляющей в миграционном потоке в Иркутской области: за январь-февраль на миграционный учет поставлено 10 тыс. иностранных граждан, что на 71,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В 2007 г. более чем в три раза возросло количество выданных разрешений на осуществление трудовой деятельности.

Однако более взвешенные оценки действия нового законодательства как на федеральном уровне, так и на региональном можно будет сделать не ранее, чем в середине текущего года.

¹ По мнению областных (городских) административных структур.

² По информации УФМС по Иркутской области.

Таблица 3

**Нетто-миграция населения Иркутской области
с федеральными округами России в 1991–2005 гг., тыс. человек**

	1991–1995	1996–2000	2001–2005
Россия	-13,6	-19,8	-21,8
Центральный	-6,2	-9,7	-10,4
Москва	-0,2	-2,0	-2,4
Московская область	-0,5	-1,7	-2,9
Северо-Западный	-0,6	-2,7	-3,1
Санкт-Петербург	-0,1	-1,2	-1,2
Ленинградская	-0,2	-0,8	-0,8
Южный	-7,9	-7,9	-4,1
Краснодарский край	-4,2	-2,8	-2,4
Приволжский	-6,9	-6,9	-3,4
Уральский	-2,6	-2,6	-1,7
Сибирский	1,0	-0,8	-0,1
Красноярский край	0,7	-4,1	-3,3
Дальневосточный	9,6	7,9	0,8
Якутия (Саха)	3,9	4,2	0,6

Межрегиональная миграция. Как уже было сказано выше, Иркутская область во внутрироссийском миграционном обмене теряла свое население. Почти половина миграционной убыли области в течение 1991–2005 гг. пришлось на регионы Центрального округа (табл. 3).

В 1990-х годах значительную часть населения области оттягивал ЮФО. В последние годы отрицательный баланс области в миграции со всеми округами сократился, однако подпитка за счет регионов, расположенных к востоку от Иркутска, сократилась еще сильнее.

С большинством регионов Сибирского федерального округа Иркутская область имеет миграционную убыль, особенно велики ее размеры в обмене населением с Красноярским краем. При этом Иркутская область получает достаточно стабильную миграционную подпитку из Бурятии и Читинской области. В 1990-е годы в качестве миграционного донора выступала Республика Саха, однако последние пять лет миграционная «подпитка» оттуда фактически прекратилась.

Т. о., основные немногочисленные миграционные доноры Иркутской области располагаются на востоке, а регионы, расположенные

западнее, с разной силой оттягивают население (рис. 13).

Миграция в пределах агломерации и в других городах и районах области. Города и районы, входящие в развивающуюся Иркутскую городскую агломерацию, в миграционном плане имеют отличия от других городов и районов области.

Прежде всего, эти отличия касаются *внутриобластной миграции*: Агломерация «стягивает» население из других частей области. Мы уже упоминали о том, что города агломерации принимают молодое население из других районов области: согласно итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., численность населения в возрасте 15–24 лет в агломерации примерно на 20%, больше, чем могла бы быть без влияния миграции, т. е. на минимум на 32 тыс. человек. Это очень существенная прибавка, причем это население молодое, активное в репродуктивном плане. И в этой прибавке население из других районов и городов Иркутской области играло ведущую роль.

По данным текущего учета населения, в 2001–2005 гг. только за счет миграции из других регионов области население Иркутской

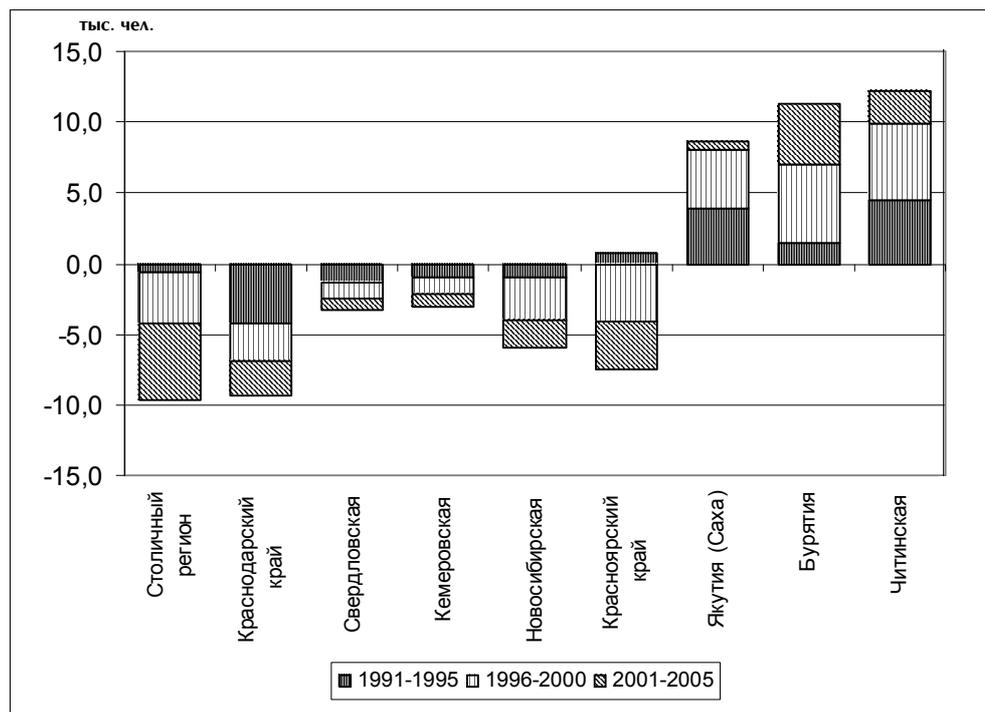

Рис. 13. Нетто-миграция Иркутской области с отдельными регионами России в 1991–2005 гг.

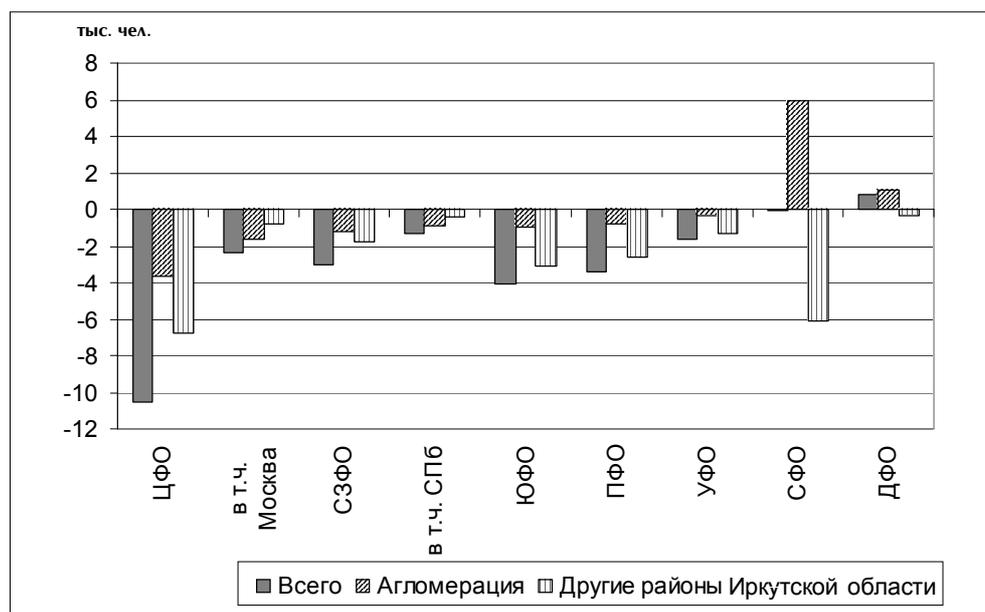

Рис. 14. Нетто-миграция с другими округами в 2001–2005 гг.

агломерации увеличилось на 3,5 тыс. человек. Цифры на первый взгляд небольшие, но это миграция на постоянное место жительства, сюда практически не включаются учебные

мигранты и те, кто не оформляет в городах агломерации постоянной прописки.

Агломерация имеет специфику и в миграционном обмене с другими регионами страны.

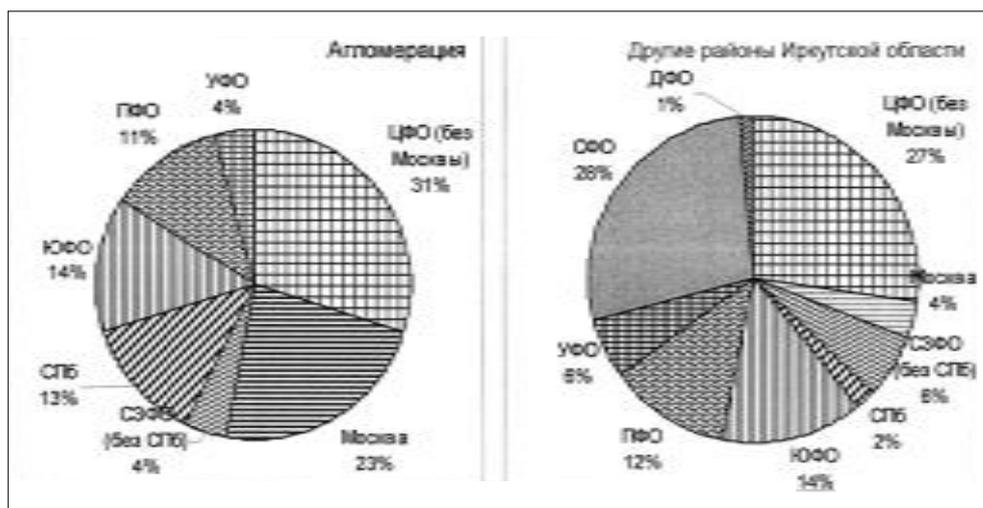

Рис. 15. Составляющие миграционных «потерь» агломерации и других районов и городов Иркутской области в 2001–2005 гг., %

Для агломерации характерен практически «нулевой» миграционный баланс: за 2001–2005 гг. она потеряла только 0,6 тыс. человек в обмене с другими районами страны; другие города и районы области за тот же временной период потеряли 21,2 тыс. человек. Как видно на рис. 14 и 15, именно города и районы, входящие в агломерацию, имеют миграционный прирост в обмене населением с регионами Сибири и Дальнего Востока, другие районы и здесь теряют население.

Следует обратить внимание и на особенности структуры миграционных потерь агломерации. Более половины их приходится на регионы Центральной России, а вместе с Северо-Западом – 70%. Население городов и районов «утекает» в основном в другие регионы Сибири (и в агломерацию), и достаточно равномерно распределяется по стране.

Существенным отличием миграции агломерации является то, что 40% населения она теряет в обмене с Москвой и Санкт-Петербургом, а если добавить к этому «столичные» области, то это составит 63% потерь. При этом, агломерация выдерживает конкуренцию Красноярским краем¹, с ним миграционный баланс в последние годы фактически «нулевой». Значимые потери агломерация имеет в обмене со Свердловской Новосибирской Нижегородской областями, Республикой Татарстан.

Т. е. миграционные устремления населения агломерации гораздо более избирательны, чем населения других регионов области, оно тяготеет прежде всего к крупным городам, которым Иркутск уступает по численности населения, и, по всей видимости, по качеству жизни.

Миграционный приток в города и районы агломерации имел место до 2002 г., т. е. до того времени, пока сохранялся ощутимый приток мигрантов из стран СНГ и шла активная миграция из других районов области в Иркутск (рис. 16).

Города и районы, входящие в состав агломерации, получают миграционный приток населения из других территорий области. За 1997–2005 гг. этот приток, по данным текущего учета, составил 11,8 тыс. человек, еще около 4 тыс. составил прирост за счет миграции с другими регионами и странами. Учитывая, что только увеличение численности проживающих в городе поколений родившихся в 1980–89 гг. в городах и районах агломерации составило около 35 тыс. человек (о чем уже говорилось выше), миграция в значительной мере носит нерегистрируемый характер.

Как видно из статистических данных, тренды миграционного прироста населения агломерации нисходящие. В настоящее время, когда легальная, регистрируемая миграция из

¹ Но не с Красноярском – у нас нет данных, чтобы оценить миграцию на уровне город-город.

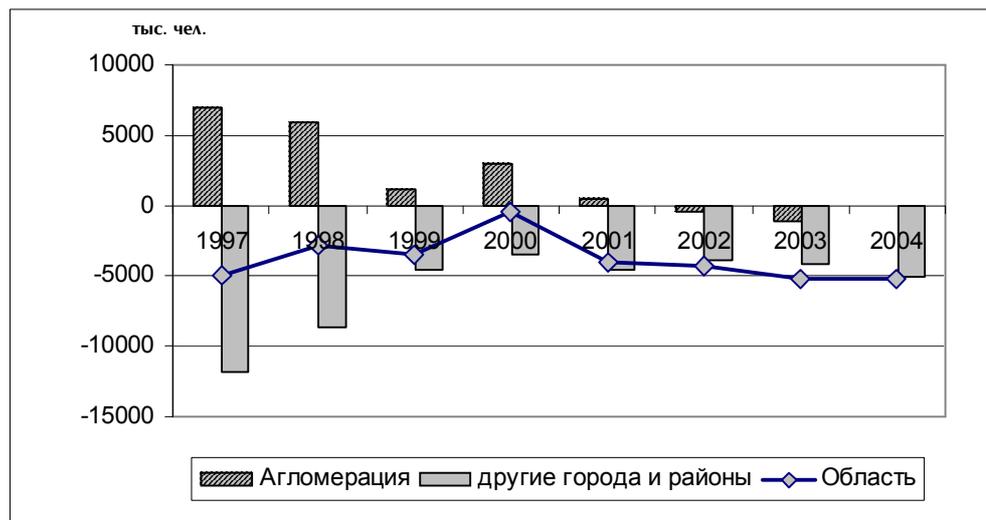

Рис. 16. Нетто-миграция городов и районов, входящих и не входящих в агломерацию

стран СНГ сократилась до совсем незначительного уровня, потенциал миграции с востока сокращается, и пик выезда из северных районов области на юг пройден, возможность агломерации притягивать население остается под вопросом.

Таким образом, видно, что даже такой крупный центр Сибири, как Иркутск, не может устойчиво «удерживать» население. Надеяться на то, что отмеченное в последние два года увеличение числа рождений приведет к изменению депопуляционного тренда, не приходится, несмотря на бодрящий тон недавно принятой концепции демографического развития до 2025 года. Реально крупные города, и ранее прирастающие за счет мигрантов, могут надеяться все на тот же ресурс. Но и он стремительно иссякает: потенциал сельской местности, десятилетиями подпитывающей население городов, на грани окончательного исчерпания. Не лучше ситуация в малых городах и поселках.

Как уже отмечалось выше, население – это основной ресурс и ограничитель социально-

экономического развития. Речь идет как о численности населения, так и его качественных характеристиках. В этих условиях способы «удержания» населения становятся первоочередной заботой региональных властей. Нет, пожалуй, ни одного региона, власти которого не беспокоил бы, например, отток молодежи (за исключением республик Северного Кавказа). И если предотвращение сокращения числа жителей для большинства регионов – задача неразрешимая в ближайшие десятилетия, то возможности для собирания его в крупных, опорных центрах, в принципе, имеются. Это – сложная управленческая задача, уже в ближайшие годы между крупнейшими городами страны развернется серьезная конкуренция за трудовые ресурсы. Мы можем стать свидетелями невиданного доселе в России явления, связанного с формированием у властей принципиально иного отношения к человеку, к среде его проживания. Иначе многим городам почти наверняка грозит очень быстрая деградация.

С.И. Яковлева
(г. Тверь)

РЕКРЕАЦИОННОЕ ОСВОЕНИЕ МЕЖСТОЛИЧНОГО РЕГИОНА КАК ПРОЦЕСС УКРЕПЛЕНИЯ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЙ ОСИ РАССЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

S.I. Jakovleva

RECREATIONAL DEVELOPMENT OF INTERCAPITAL REGION AS A PROCESS OF STRENGTHENING OF THE HYDROGRAPHIC AXIS OF MOVING (BY THE EXAMPLE OF THE TVER AREA)

Indicators of housing construction for an estimation of moving processes and changes in axial elements of regional moving are offered. Features of formation of a hydrographic axis of moving in the Tver region are shown.

Расселение в регионах и его рисунок формируется под воздействием большого числа факторов, важнейшими из которых на разных этапах хозяйственного и градостроительного освоения территории становятся военно-политические, природные, транспортные, хозяйственные условия. При этом главными осями расселения соответственно выступают реки и побережья, магистральные трассы и коридоры, приграничные территории или ареалы (зоны) нового освоения. Внутрорегиональные оси расселения обладают разной степенью устойчивости: они укрепляются, «размываются», формируются в новых или восстанавливаются в первичных местах. Современными процессами формирования расселения для межстоличных регионов стали миграционные процессы и активное рекреационное освоение.

Качественной характеристикой регионального расселения традиционно является показатель плотности населения и расселения (численность населения и количество населенных пунктов на единицу площади региона). Дополнительными параметрами оценки процесса формирования расселения могут стать строительные индикаторы – объемы жилищного строительства (новостройки) за год и суммарно за ряд лет (например, пятилетие) – абсолютные и относительные (плотность на 1 000 жителей). Наиболее наглядными среди них являются показатели индивидуального строительства. Ведь в этом случае люди сами выбирают лучшие условия размещения своего жилья (постоянного или «второго» –

сезонного или дачного). Новостройки представляют собой потенциал расселения. И пусть показатели плотности населения в местах концентрации нового жилья не являются максимальными в регионе, сосредоточение новостроек уже вновь четко «прорисовывает» гидрографическую ось расселения. Приуроченность нового жилья к водным объектам – отличительный признак активного рекреационного освоения территории.

Наш конкретный пример – Тверская область. В регионе сложились 3 главные оси расселения по направлениям Москва–Санкт-Петербург, Москва–Латвия и ось по восточной периферии области. Транспортными осями расселения являются железнодорожные и автомобильные магистрали, а примыкающие к ним районы отличаются повышенной плотностью населения. Главная региональная ось расселения – Москва–Санкт-Петербург продолжает укрепляться, две другие оси «размываются».

Попытаемся использовать показатели статистики жилищного строительства для оценки процессов расселения и изменений в осевых элементах расселения. Ежегодные объемы современного жилищного строительства в Тверской области продолжают оставаться малыми по сравнению с периодом его наиболее активного развития в конце 1980-х гг. (рис. 1–2).

По общим объемам жилищного строительства регион находится на уровне 1951–1955 гг. Характерен тот же высокий уровень индивидуального строительства, как это было в послевоенные годы. Без Твери, где сосредоточена половина региональных новостроек жилья, доля

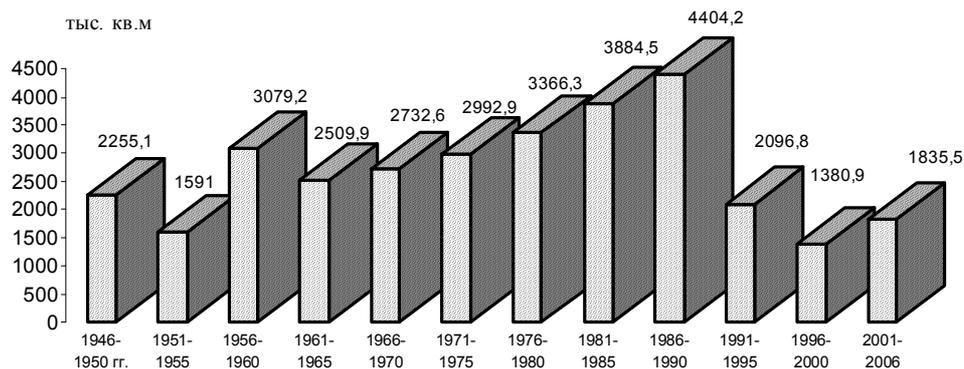

Рис. 1. Объем жилищного строительства в Тверской области по пятилетиям в 1946–2006 гг., тыс. кв.м

Рис. 2. Последовательность развития жилищного, в т. ч. индивидуального строительства в Тверской области по пятилетиям в 1946–2006 гг., тыс. кв. м

жилищного строительства за счет средств населения составляет в Тверской области 85% (2005) – рис. 3.

Из 36 районов области в 23-х доля индивидуального строительства составляет 90–100%, при этом 100% – в рекреационной зоне озера Селигер (рис. 4).

Анализ пространственных аспектов формирования осей расселения производится по следующим индикаторам жилищного строительства:

1. Ввод общей площади жилых домов и общежитий за счет всех источников финансирования, тыс. кв. метров общей площади (рис. 5).

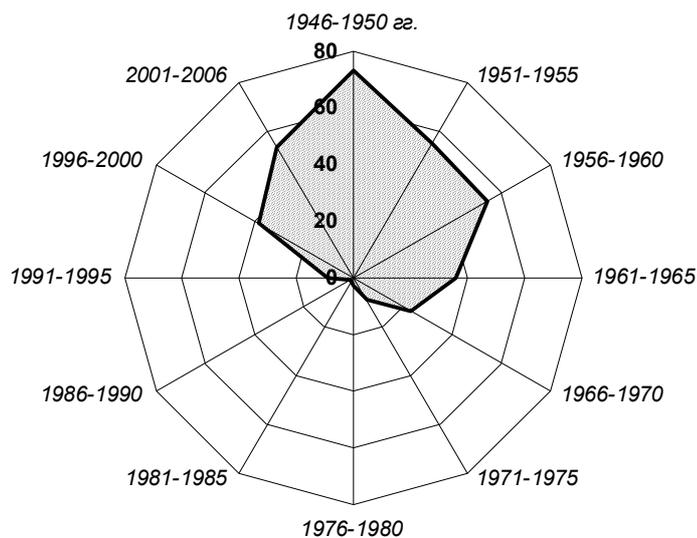

Рис. 3. Удельный вес индивидуального жилищного строительства (за счет населения) в общем объеме жилья в Тверской области по пятилетиям в 1946–2006 гг., %

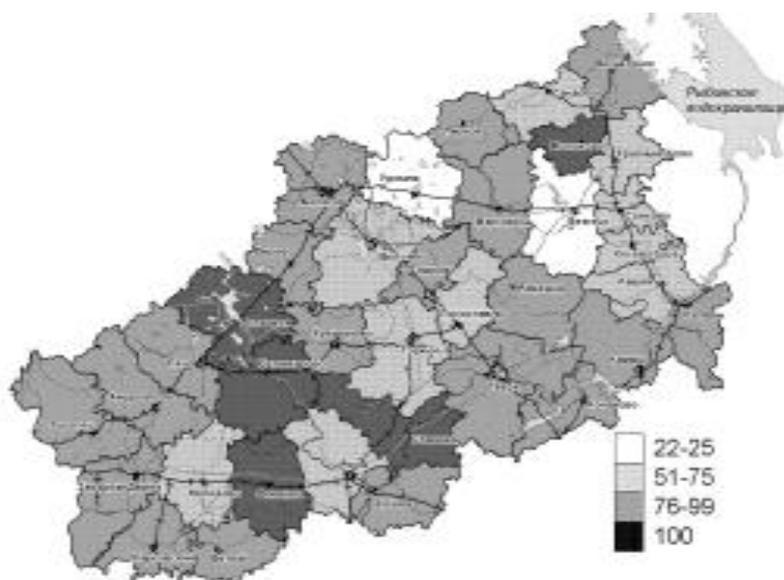

Рис. 4. Доля индивидуального жилищного строительства в районах Тверской области в 2001–2005 гг., %

Абсолютные показатели объемов жилищного строительства в отдельные годы демонстрируют резкое (в 2 раза) снижение объемов строительства в 1990-е и 2000-е гг. по сравнению с максимальными объемами середины 1980-х гг. На серии карт наглядно видна относительная концентрация новостроек в транспорт-

ном коридоре Москва–Санкт-Петербург. Если использовать суммарный показатель новостроек, то в 2001–2005 гг. впервые отчетливо проявляется их концентрация в рекреационных зонах по гидрографической оси оз. Селигер–Волга–Иваньковское водохранилище, в том числе в подмосковных районах.

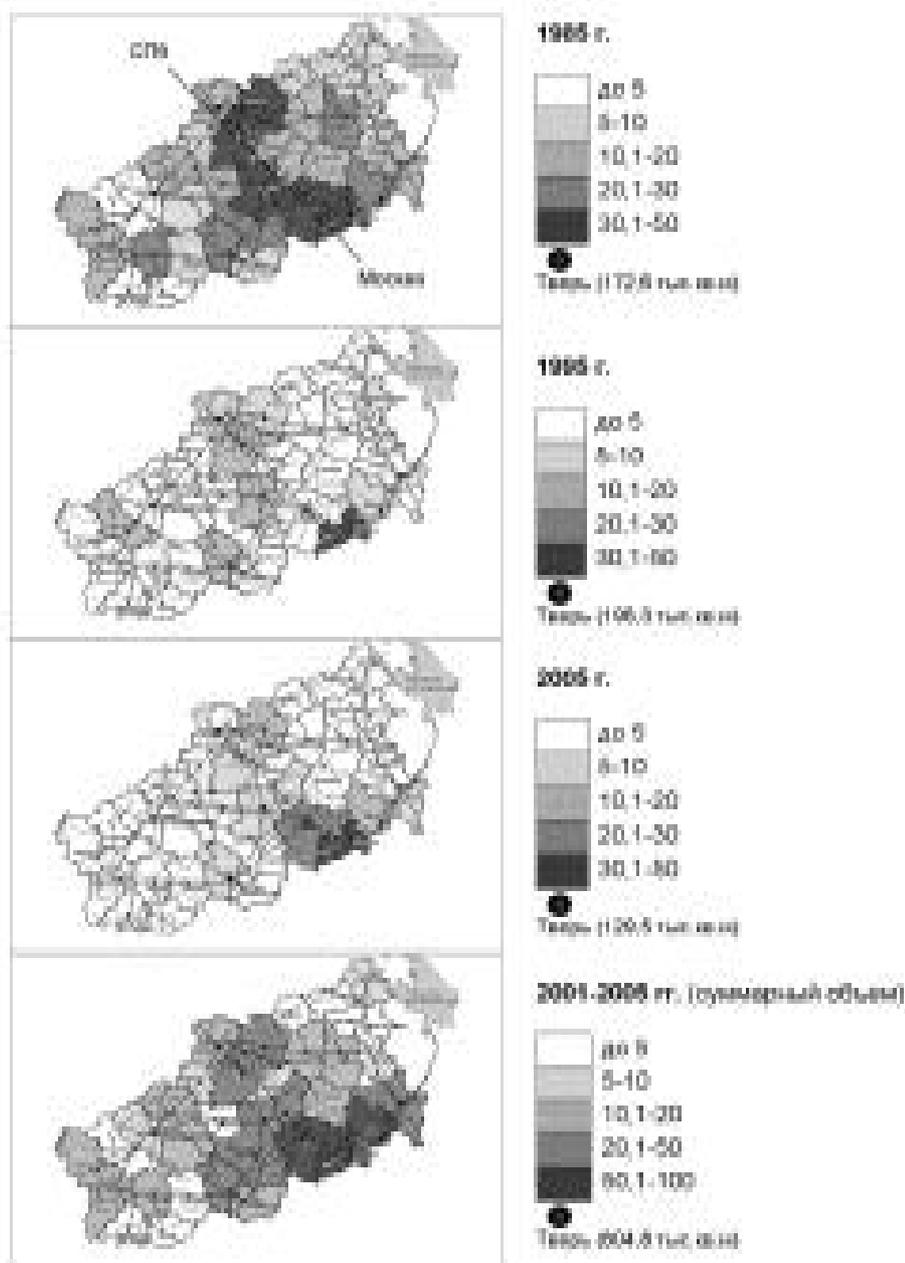

Рис. 5. Ввод общей площади жилых домов и общежитий за счет всех источников финансирования в районах Тверской области и Твери в 1985, 1995, 2005 гг. и суммарный объем в 2001–2005 гг., тыс. кв. метров общей площади

2. Ввод в действие жилья в расчете на 1000 человек населения, кв. м общей площади в 1990–2005 гг. Плотность новостроек нагляднее, чем абсолютные показатели, на всех картограммах (рис. 6) выделяет районы максимальной концентрации нового жилья преимущественно в рекреационных зонах.

Гидрографическая Волжская ось «прорисована» на картограммах всех лет, но особенно отчетливо период 2001–2005 гг. (отдельные годы весь период 2001–2005 гг.). Тверь имеет наивысшую в регионе плотность новостроек.

3. Жилищное строительство за счет средств населения и с помощью государствен-

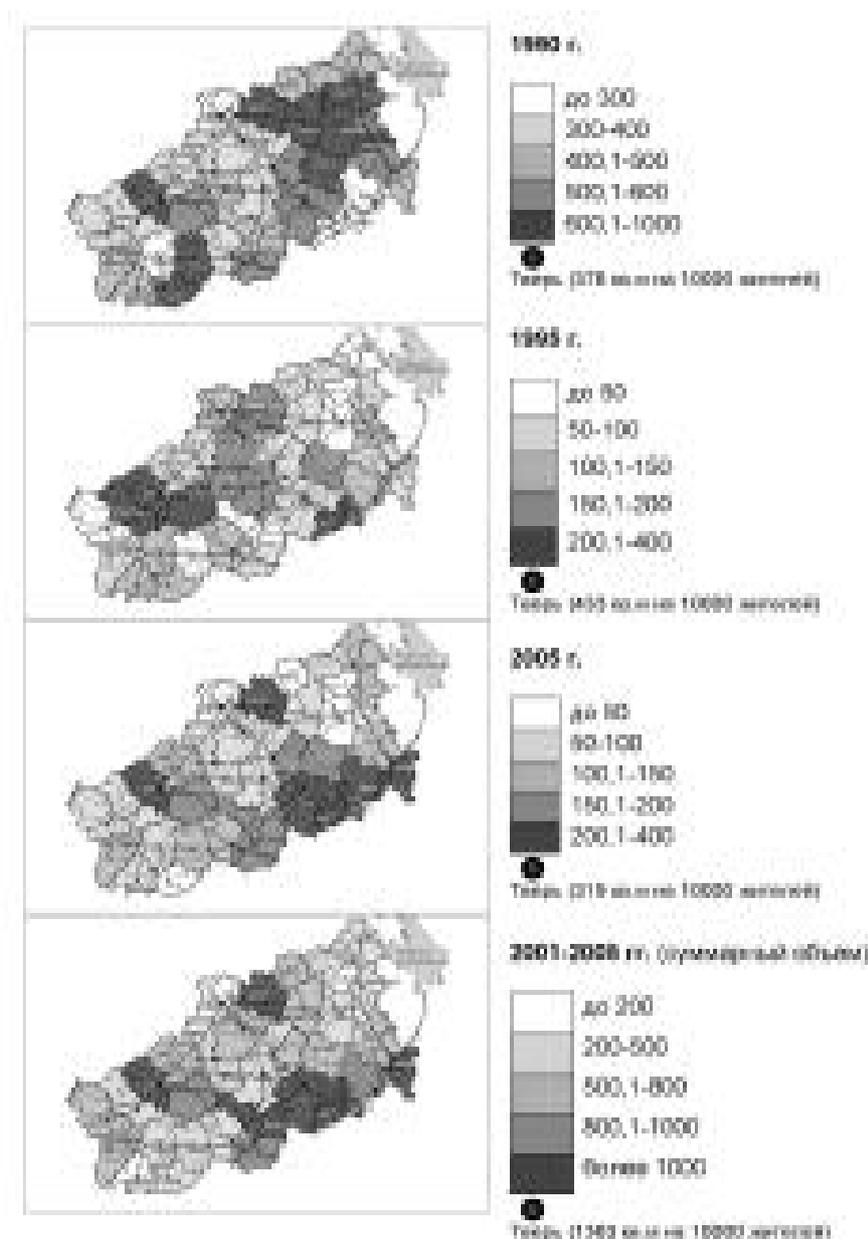

Рис. 6. Ввод в действие жилья в расчете на 1000 человек населения в районах Тверской области и Твери в 1990, 1995, 2005 гг. и суммарный объем в 2001–2005 гг., кв. метров общей площади

ного кредита, кв. метров общей площади в районах Тверской области. Индивидуальное строительство за счет населения уже в 1995 г. отличалось повышенными объемами не только в транспортном коридоре Москва–Санкт-Петербург но и в районах Селигерской зоны (Осташковский, Пеновский и Селижаровский районы), а также в

зоне Ивановского водохранилища в подмосковных Конаковском и Кимрском районах (рис. 7). Суммарные объемы жилищного строительства в период 2001–2005 гг. сконцентрированы в группе подмосковных районов, преимущественно на берегах Ивановского водохранилища (Калининский, Конаковский и Кимрский районы).

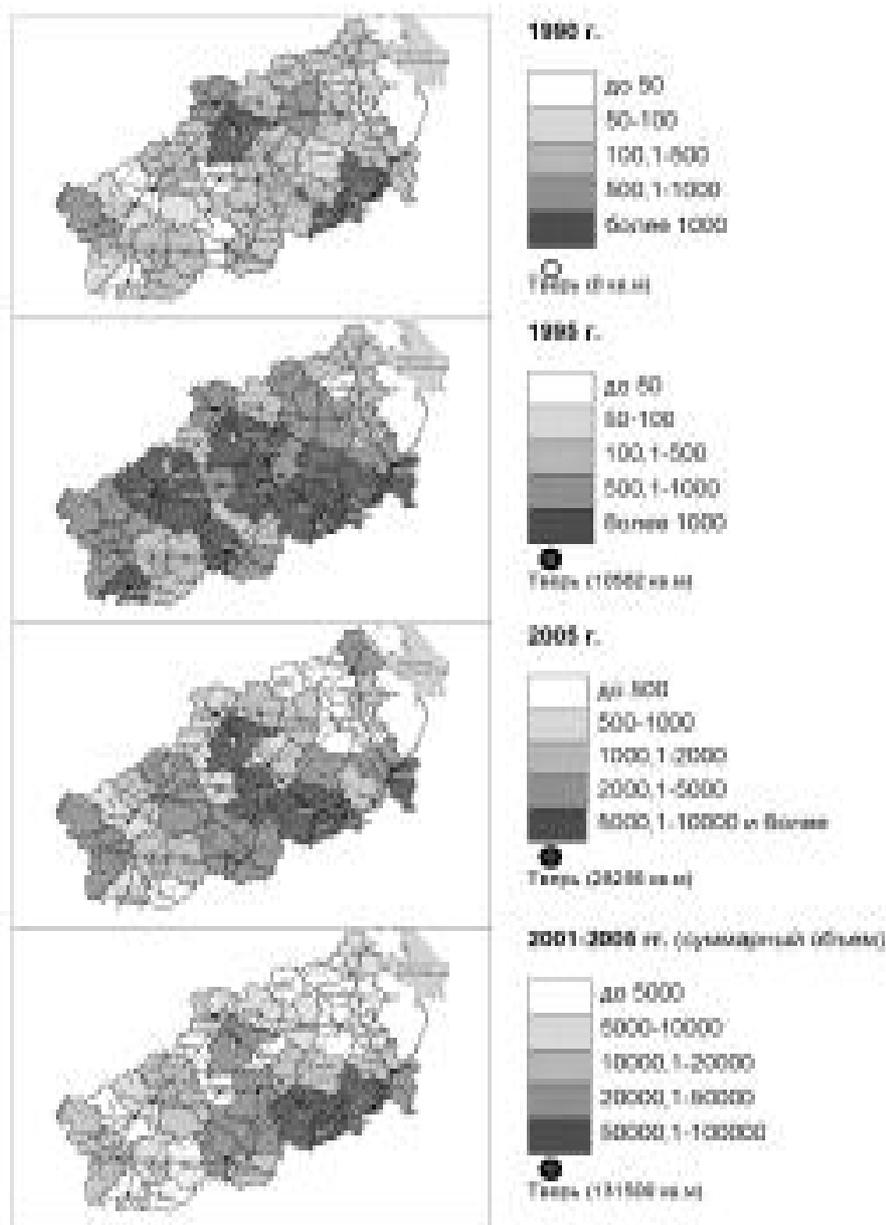

Рис. 7. Объем индивидуального строительства в районах Тверской области и Твери в 1990, 1995, 2005 гг. и суммарный объем в 2001–2005 гг., тыс. кв. метров общей площади

4. Суммарные объемы индивидуально жилищного строительства (за счет населения и с помощью госкредита) на 1000 человек в районах Тверской области в 1986–2005 гг. (по пятилетиям), кв.м общ. площади. В официальной статистике обычно используется средний показатель за период (пятилетие). Так как ново-

стройки ежегодно «накапливаются» в регионе, удобно использовать суммарные показатели за период. В нашем примере показан двадцатилетний период с разбивкой по пятилетиям (рис. 8). На серии картограмм (рис. 8) отражена резкая территориальная дифференциация плотности индивидуального строительства:

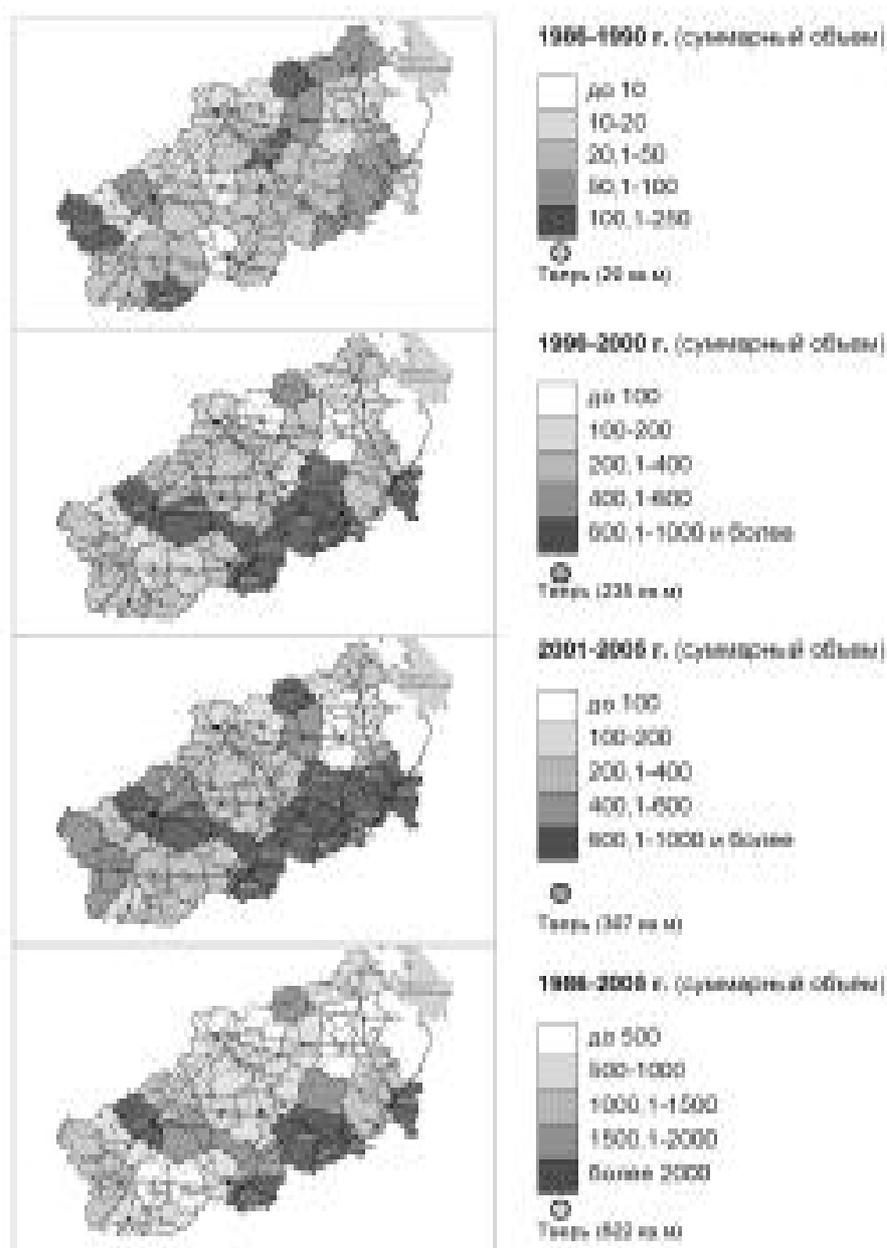

Рис. 8. Объем индивидуального жилищного строительства в расчете на 1000 человек населения в районах Тверской области и Твери в 1986–2005 гг. (по пятилетиям) и суммарный объем в 1986–2005 гг., тыс. кв. метров общей площади

в 1986–1990 гг. – 1:2; 1991–1995 гг. – 1:25; 1996–2000 гг. – 1:10; 2001–2005 гг. – 1:10. Начиная с 1996 г. гидрографическая ось повышенной плотности новостроек постоянно расширяется.

Все это убедительно доказывает и наглядно иллюстрирует активный процесс формирования 4-й региональной оси расселения.

Эта исторически устойчивая первичная (базовая) Волжская ось расселения в Тверском регионе. Гидрографическая ось и полоса расселения расширяется за счет активного рекреационного освоения прибрежных территорий, преимущественно столичными дачниками и туристами.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Р.А. Пименова
(г. Москва)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Pimenova R.A.

POLITICO-ECONOMICAL CHANGES IN THE COUNTRIES OF LATIN AMERICA IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

In the article geopolitical and politico-economical changes in the countries of Latin America, the roles of the left forces connected to amplification in political life of region are considered.

Начало XXI века в странах Латинской Америки ознаменовалось прежде всего геополитическими изменениями. В целом ряде стран электоральным путем к власти пришли лидеры левой ориентации, которые определили дальнейший ход экономического и социального развития. К таким странам относятся Боливия, Венесуэла, Эквадор, Никарагуа, Гватемала, а также Уругвай, Бразилия, Аргентина, Чили, Панама, Коста-Рика, Перу, не говоря уже о Кубе.

“Левый поворот” связан с экономическими причинами. Все эти страны отказались от нелиберальной модели развития. Нелиберальная модель дала лишь на короткий период некоторую стабильность: преодоление инфляции, налаживание налогового механизма, подтягивание стран-экспортеров до более высоких стандартов мировой торговли. Но одновременно она привела к социальному расслоению, вымыванию средних слоев населения. Итоги экономического развития стран Латинской Америки отражены в таблице 1. Социальные последствия неолиберальной модели выразились в свертывании социальных программ, росте маргинализации населения. Данные явления, несомненно, являются одним из следствий происходящих в Латинской Америке процессов вестернизации, и если она имела какие-то позитивные результаты в экономике, то полностью потерпела крах в социальном плане [8].

Социальные проблемы латиноамериканских стран охватывают большой спектр вопросов: бедность, здравоохранение, образование. Среди факторов, влияющих на социальное положение населения, как экономические, так и природные, поскольку стихийные бедствия довольно часты в этом регионе, особенно в Карибских странах и Центральной Америке. Доля бедного населения (менее 2 американских долл. на душу населения в день) составляет примерно 40% (в среднем по региону), а доля крайне бедных, т.е. нищих (менее 1 долл. в день на душу населения) – около 20% [6]. Но проблема состоит не только в бедности, но и в огромном контрасте между богатством и нищетой.

Большое значение имеет этнический фактор. Как правило, к наиболее бедным принадлежит индейское население [3].

Главным на современном этапе является стратегия социально-экономических преобразований под эгидой национального государства. Вопрос усиления регулирующей роли государства и корректировки экономической модели принимают все страны, но это решается по-разному. При этом социально ориентированная политика играет большую роль.

Наиболее резкий левый поворот произошел в странах, где проживает много индейцев. Это Боливия (свыше половины населения); Венесуэла, Эквадор (более одной трети). Именно в этих странах победили наиболее радикально

Таблица 1

Темпы роста ВВП в странах Латинской Америки (%) [7]

	2004	2006
Аргентина	9,0	8,5
Боливия	3,9	4,5
Бразилия	4,9	2,8
Чили	6,2	5,6
Колумбия	4,9	6,0
Коста-Рика	4,1	6,8
Эквадор	7,9	4,9
Сальвадор	1,8	3,8
Гватемала	2,7	4,6
Гаити	-3,5	2,5
Гондурас	5,0	5,6
Мексика	4,2	4,8
Никарагуа	5,1	3,7
Панама	7,5	7,5
Парагвай	4,1	4,0
Перу	5,2	7,2
Доминиканская республика	2,7	10,0
Уругвай	11,8	7,3
Венесуэла	17,9	10,0
Латинская Америка	6,0	5,3

настроенные политические лидеры, взявшие курс левой ориентации.

В Боливии президентом стал индеец Хуан Эво Моралес. Цель его программы – возвращение природных богатств народу [2]. В недалеком прошлом в результате приватизации были созданы смешанные компании. Бывшая государственная компания Ясимиентос Петролиферос Фискалес Боливианос – ЯПФБ согласно договору между акционерами получала небольшую долю прибыли. В 2006 г. Э. Моралес подписал указ о национализации вышеназванной компании. Однако в связи с этим возникли определенные сложности. Против выступила Бразилия, которая тесно связана с Боливией в области нефтегазовой отрасли и является крупнейшим покупателем боливийского газа. В результате ЯПФБ не смогла справиться со своими проблемами. Это отразилось и на самих боливийцах, которые стали испытывать нехватку горючего. Национализация была временно приостановлена. Соглашения между государственной компанией и иностранными акционерами определили распределение доходов: 82% – государственной компании, 18% – иностранным компаниям [4].

Политика Уго Чавеса в Венесуэле, получившей название Боливарианской республики Венесуэла (в честь освободителя Латинской

Америки Симона Боливара) направлена на ограничение иностранных компаний. Главным в его политике стало усиление роли государства во всех сферах экономической жизни, а также программа социально-экономического развития, в которой предусмотрена прежде всего борьба с бедностью. В 1999 г. на всенародном референдуме была принята конституция, согласно которой гарантируется право на труд, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Вместо двухпалатного Национального конгресса учреждена однопалатная Национальная ассамблея. Срок президентства увеличен с 5 до 6 лет. Специальный раздел предусматривает проведение референдумов по любому вопросу.

В Конституции зафиксирован запрет на приватизацию государственной нефтяной компании “Петролеос де Венесуэла” (PDVSA), нефтяная промышленность объявлена стратегической отраслью экономики, а нефть – национальным достоянием. В 2007 г. PDVSA получила полный контроль над энергетическими ресурсами Венесуэлы [3].

В то же время следует отметить, что создаются совместные предприятия с лояльно настроенными ТНК, например, Chevron Техасои др., а также с российскими “Газпромом” и “Лукойлом” [4].

Однако попытки Уго Чавеса в 2007 г. внести новые изменения в конституцию, которые обеспечили бы его бессрочное президентство, не дали результата, несмотря на проведение нового референдума. Уго Чавес опирается на поддержку низов и части вооруженных сил: состоятельные слои народа настроены против президента. Безземельным крестьянам предоставляются участки земли. Проводится кампания по ликвидации неграмотности. Возросла численность студентов. Организована поддержка неимущих слоев населения путем предоставления кредитов.

В 2007 г. Венесуэлу посетил президент Белоруссии Лукашенко. Между двумя странами подписаны соглашения, которые предусматривают совместную добычу нефти в бассейне р. Ориноко. Но поскольку поставки нефти в Белоруссию невозможны, то она будет получать свою долю в денежных единицах [9].

Особое геополитическое значение имеет союз трех стран – Венесуэлы, Боливии, Кубы – АЛБА (Боливарианская альтернатива для Америки), к которому в 2006 г. присоединилась Никарагуа.

Куба была в тяжелом положении после прекращения экономической поддержки со стороны России. Но благодаря созданию союза АЛБА Венесуэла обеспечила Кубу энергоносителями, а Куба отправила в Венесуэлу около 20 тыс. врачей, оказавших бесплатную медицинскую помощь. Помимо льготных поставок нефти Венесуэла помогла Кубе в реконструкции нефтеперерабатывающего завода (г. Сьенфуэгос).

У. Чавес проводит политику по оказанию поддержки мелким предпринимателям, предполагает создание партии социалистической революции. На данном этапе его внутренняя политика направлена на социальные меры, а внешняя – на расширение внешнеэкономических связей, особенно с Россией и Белоруссией, а также с Китаем и Индией.

Венесуэла является экспортером нефти для своих партнеров. Из России она получает оружие, из Китая – продукты сельского хозяйства. Расширение внешнеэкономических связей имеет большое значение для уменьшения зависимости Венесуэлы от США. Активно развиваются и связи Венесуэлы с другими странами Латинской Америки.

В Никарагуа в 2006 г. на выборах одержал победу Сандинистский фронт национального освобождения. Президентом, после значительного перерыва, вновь избран Даниэль Ортега [4]. Он поставил в первую очередь задачи решения

социальных проблем: бесплатное начальное и среднее образование в государственных школах; бесплатное медицинское обслуживание. Медицинскую помощь оказывает Куба. В парламент был внесен закон о регулировании зарплат и отмене льгот высокоименным чиновникам. Интересно отметить, что в решении социальных проблем Д. Ортега заручился поддержкой церкви. Важную роль в экономическом плане играет решение энергетической проблемы; предполагается расширение сети геотермальных электростанций, а также широкое использование биотоплива; подписано соглашение Бразилией о строительстве ГЭС. Для Никарагуа остро стоит экологическая проблема, поскольку страна катастрофически теряет лес: за 15 лет вырублено свыше 1 млн. га леса. В связи с этим предполагается существенно снизить вырубку лесов.

Присоединение Никарагуа к тройственному союзу АЛБА позволило укрепить ее позиции в решении поставленных задач, а главное – получить поддержку. Следует также отметить и то, что Никарагуа достаточно активно сотрудничает с США, куда направляется немало иммигрантов, поддерживающих своих соотечественников тем, что пересылают заработанные деньги. Это относится и к другим странам Латинской Америки, несмотря на стремление США поставить преграды на пути иммигрантов из латиноамериканских стран.

Страны Центральной Америки стремятся интегрироваться в единый рынок. Город Гватемала является местом размещения Центральноамериканского парламента. В 2007 г. подписано соглашение о таможенном союзе стран Центральной Америки.

Гватемала имеет давние культурные традиции одной из древних цивилизаций – майя. В стране немало памятников культуры майя; построено четыре культурных индейских центра. Сочетание благоприятного географического положения, культурного наследия, а также красоты природы и климата, особенности гватемальской кухни – все это способствует привлечению туристов [3].

В Эквадоре в 2006 г. состоялись выборы, в процессе которых свои требования выдвинули индейцы, в частности, потребовали национализации нефтедобычи. Именно индейцы организовали протесты против нефтяных компаний, призвали к пересмотру соглашений с этими компаниями в пользу Эквадора, выступили против подписания договора о свободной торговле с США. Нефть и нефтепродукты состав-

ляют почти 2/3 стоимости экспорта страны [3]. Хотя Эквадор вывозит нефть, приходится ввозить нефтепродукты [1]. Среди требований индейцев также закрытие военно-воздушной базы США, проведение референдума по договору о свободной торговле с США.

Вновь избранный президент определил основные направления развития; главное место в них занимает социально ориентированная экономическая политика. На долю беднейших 10% населения приходится менее 1% доходов на долю бедных – около 3,3%; а 20% богатых получают около 60% доходов [3]. При этом существует большое неравенство среди индейского и неиндейского населения. Не случайно именно индейское население оказывает поддержку вновь избранному президенту, который, в свою очередь, поддерживает идею «социализма XXI в». Своей главной задачей президент считает борьбу с бедностью. Его девиз: «Труд получит приоритет над капиталом». В то же время он не отрицает частной собственности, но считает необходимым поддерживать мелких предпринимателей.

Во внешней политике большое место уделяется проблеме внешнего долга, которую президент не считает первоочередной. Зато важную роль должен играть вопрос о возвращении Эквадора в ОПЕК, из которого он вышел в 1992 г. Нынешнее правительство считает это ошибкой. Активно развиваются взаимоотношения с Венесуэлой в разных направлениях. Венесуэла начала поставки в Эквадор дизельного топлива в обмен на сырую нефть. Поскольку главный аспект внутренней политики являются социальные проблемы, Эквадор использует опыт Венесуэлы в этом направлении. Эксперты полагают, что Эквадор имеет большие потенциальные возможности в области лесного хозяйства, поскольку располагает большими лесными ресурсами [1].

Умеренные левосторонние страны – это Бразилия, Аргентина, Чили, Уругвай, Коста-Рика.

Бразилия, безусловно, играет роль лидера. Она проявляет умеренность в осуществлении неолиберальных реформ, проводит курс на социальную ориентацию экономического развития и на укрепление субрегиональной интеграции. Здесь ей, безусловно, принадлежит ведущая роль. Одновременно она придает большое значение развитию группы БРИК (стран-гигантов): Бразилии, России, Индии, Китая. При этом следует отметить все большую «латиноамериканизацию» внешней политики этой стра-

ны. Вместе с тем Бразилия глубоко интегрирована в мировую экономику и не нарушает финансовой договоренности с МВФ.

Неолиберальные реформы в Аргентине потерпели практически полный крах. Приватизация предприятий госсектора, широкое привлечение иностранного капитала, открытие внутренних рынков – все это привело к обострению внешнего долга, вытеснению местных производителей, упадку многих традиционных отраслей. Падение доходов одной части общества при обогащении другой создало сильную социальную напряженность. Многие аргентинские товары перестали быть конкурентоспособными, а сбыт других затруднен торговой политикой стран Запада. В стране произошел тяжелый дефолт, который продолжался почти 4 года. И только с 2003 г. начался экономический подъем (см. табл. 2) [1].

В 2007 г. к власти пришла Кристина Киршнер – супруга предыдущего президента. Она продолжила политическую линию супруга, направленную на решение главной задачи – восстановление национального капитализма. В числе приоритетов названы усиление роли государства, проведение социальной политики, обеспечивающей более равномерное распределение доходов. Большое значение имело и то, что федеральная власть взяла на себя около 20 млрд. долл. внешнего долга отдельных провинций.

Основой экономики Аргентины является развитие агропромышленного комплекса. Сбор зерновых в настоящее время более чем вдвое превышает уровень начала 1990-х гг. ВВП увеличился за 2003–2006 гг. вдвое.

Приоритетными отраслями развития являются прежде всего традиционные – пищевая, текстильная, швейная, деревообрабатывающая, производство сельскохозяйственной техники, а также биотехнология, информатика, образование и культура. Аргентина по-прежнему лидирует по потреблению мяса на душу населения – 60 кг (2006 г.). За период с 2003 по 2006 г. в стране создано более 3 млн. рабочих мест. За этот же период сократилась безработица с 24,3% до 10,4% [1].

Количество аргентинских граждан, живущих за чертой бедности, снизилось с 54,7% до 31,4% [1]. Уменьшился, хотя и незначительно, разрыв между «бедными» и «богатыми». С внешним долгом Аргентине помогла справиться Венесуэла, перекупившая часть долговых обязательств страны [2].

Таблица 2

Темпы роста ВВП Аргентины (%) [7]

1997	1998	1999	2000	2001	2003
7,7	2,8	-4,2	-0,6	-5,2	8,7

Активно развиваются отношения между Аргентиной и Россией, имеющие давние традиции (с 1885 г.). Не следует забывать, что в Аргентине четверть электроэнергии (главным образом на ГЭС) вырабатывается на советском оборудовании. Россия является главным импортером аргентинских фруктов, вина, рыбы, мяса.

Чили, Уругвай и Коста-Рика – страны с довольно ранней институционализацией демократических стандартов и социальных гарантий.

В Уругвае это существует с начала прошлого века, с опережением некоторых европейских стран. Поэтому он всегда жил в условиях демократии и гарантированных социальных завоеваний. Недаром Уругвай называют «латиноамериканской Швейцарией». Здесь хорошо развита банковская система. В Уругвае, как и в Аргентине, осело немало русских эмигрантов первой волны, которые привнесли свои обычаи. Здесь достаточно высоко развита государственная социальная сфера. На высоком уровне находится система образования: школьное образование охватывает все население, а в республиканском университете учатся 75 тыс. студентов (население страны – 3,5 млн. чел.).

В Чили на выборах 2006 г. впервые на пост президента избрана женщина Мишель Бачелет. Чили – в числе первых стран Латинской Америки по уровню экономического развития [5]. Несмотря на то, что страна выделяется в Латинской Америке по многим показателям, М. Бачелет в своей программе указала, что Чили будет развиваться на качественно новой основе и прежде всего подчеркнула необходимость значительного повышения регулирующей роли государства. Стержнем развития должны стать инновационные технологии, подготовка кадров новой формации, поддержка мелкого и среднего предпринимательства. При этом отмечается, что в решении этих проблем следует опираться на опыт скандинавских стран [4].

Чили входит в число ведущих стран мира по добыче рыбы; имеет хорошо развитые отрасли промышленности: медеплавильную, нефтехимическую, целлюлозно-бумажную (в стране

большие запасы леса), фармацевтическую. Важно подчеркнуть и то, что по надежности кредитно-финансовой системы Чили лидирует среди стран Латинской Америки [5].

Мексика, входящая в НАФТА, хотя и не волилась в волну левого движения, но здесь также произошли некоторые изменения. Более 80% экспорта страны приходится на США, но в последнее время более дешевые товары из Китая все больше вытесняют мексиканскую продукцию на американском рынке. Поэтому одна из основных задач, поставленных вновь избранным президентом Кальдероном в 2006 г., состоит в том, чтобы обеспечить устойчивый рост экономики. Почти 50% населения живет за чертой бедности. В связи с тем, что начали в большом объеме экспортировать кукурузу в США (для производства этилового спирта), произошло существенное повышение цен на этот важный продукт питания бедных мексиканцев.

В процессе президентских выборов произошел раскол населения. Нынешний президент намерен продолжать неолиберальную модель развития, хотя значительная часть мексиканской общественности выступает за укрепление национальных интересов и создание новой модели с «социальным содержанием».

Большая проблема связана с эмиграцией мексиканцев в США (это касается и многих центральноамериканских стран). США фактически закрыли свою границу для нелегальных иммигрантов. Для легального въезда мексиканцев в США необходимо заплатить налог, пройти медицинское обследование и сдать экзамен по английскому языку. Несмотря на заграждения, множество мексиканцев нелегально пересекают границу и отправляют заработанные деньги в Мексику.

Происходящие экономические процессы, осуществление неолиберальных реформ дали толчок подъему индейского движения. Индейское движение – одно из наиболее значительных явлений XXI в. в Латинской Америке, и оно в определенной степени способствовало «левому повороту». Индейский электорат как

наиболее обездоленный, проявил большую активность в «левом» повороте к социальным аспектам. Индейский совет Южной Америки возглавляет движение за улучшение социально-экономических условий индейцев и их культурно-этническую идентичность. В переписи 2000 г. впервые почти все латиноамериканские страны включили вопрос об этнической идентичности, в первую очередь о том, какой язык те или иные группы населения считают родным. Большинство латиноамериканских стран признали права индейцев в конституционном порядке.

В частности, в конституции Венесуэлы указано, что государство устанавливает право коренного населения на здравоохранение, учитывающее его медицинские традиции и практику, обязуется признавать традиционную медицину, но не противоречащую нормам биомедицины. Использование природных ресурсов в местах обитания индейцев не должно наносить ущерб социальной и культурной целостности индейских общин. При этом следует учесть, что в некоторых штатах (например, Сулия) имеются потомственные объединения богатых индейцев-

латифундистов Конституцией также закреплено право индейцев на участие в политической жизни страны. У. Чавес издал указ о том, что половина радиопередач должна быть посвящена национальной музыке. В то же время закрепляется правовая целостность страны, гарантируется невозможность каких-либо претензий со стороны индейских общин на отделение или создание независимых государственных образований. Принятый ЭКЛА (Экономической комиссией ООН для Латинской Америки) документ «Тенденции, приоритеты и препятствия в борьбе против расовой дискриминации» закрепляет сохранение культурного разнообразия этносов в Латинской Америке.

Таким образом, при всем разнообразии дальнейшего развития стран Латинской Америки почти для всех них характерны следующие черты: развитие социальной политики, использование богатых природных ресурсов в национальных интересах; усиление регулирующей роли государства при сохранении открытости экономики; сохранение этнокультурной идентичности.

Библиографический список

1. БИКИ. – 2007. – №№ 10, 26.
2. В.М. Давыдов. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция. Материалы доклада на общем собрании отделения общественных наук РАН. – М., 2007.
3. ИЛА, «Левый поворот» в Латинской Америке. – М., 2007.
4. Латинская Америка. – 2007. – №№ 8, 9, 10.
5. Banco Central de Chile. Indicadores de Comercio exterior. – Santiago de Chile. 2006.
6. CEPAL. Anuario estadístico de América Latina y el Caribe. 2005. – Santiago de Chile, 2006.
7. CEPAL. Balance preliminar de las economías de América Latina. 2006.
8. CEPAL. Social panorama de América Latina. – Santiago de Chile. 2006.
9. www.pdvsa.com

В.И. Часовский
(г. Санкт-Петербург)

ПОЛЯРИЗОВАННОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАН СНГ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Chasovskiy W.I.

THE POLARIZED DEVELOPMENT AND THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE INDUSTRY IN THE COUNTRIES CIS: A MODERN CONDITION AND TENDENCIES OF ITS DEVELOPMENT

In the article one of the basic aspects of the public administration of regional development in the Commonwealth of Independent State's (CIS) is considered. The various theories of creation region's competitiveness are analyzed, the theory of clustered control in the industries is given here as an example. The range of productive market forms and also the euro regions, transnational corporations, financial and industrial groups, special economic areas, technological parks and technopolisies, joint ventures at the CIS's territory are characterised.

Неравномерность социально-экономического развития административно-территориальных образований в большинстве стран СНГ представляет собой одну из наиболее актуальных проблем. Особую значимость она имеет при федеративном устройстве (Россия), поскольку глубокие различия в уровнях развития территорий могут привести к политической разобщенности и экономической дезинтеграции страны.

Поэтому одной из основных целей государственной экономической политики Содружества Независимых Государств является борьба с негативными явлениями, обусловленными экономической неоднородностью национального рыночного пространства и асимметрией пространственного размещения воспроизводственных сил по регионам.

Экономическая неоднородность рыночного пространства регионов стран СНГ обусловлена комплексом причин, следствием которых является процесс дальнейшей дифференциации регионов по уровню экономического развития, усиление экономических диспропорций, зачастую проявляющихся в крайних формах регионального сепаратизма, изоляционизма и дезинтеграции экономического пространства. Эти явления говорят о недостаточной разработанности соответствующих концептуальных основ и методологической базы доктрины регионального развития, отвечающих императивам формирования социально-ориентированной рыночной экономики [3].

Актуальность данной проблемы обусловлена отсутствием единой системы мер по устранению негативных проявлений пространственной асимметрии на экономическом пространстве СНГ, что может привести к усилению экономических и социальных диспропорций, к деградации производства и многим другим негативным последствиям.

Социально-экономическое неравенство, в том числе и территориальное – глубинная основа общественного развития, поэтому появление региональных диспропорций неизбежно. Экономическое пространство регионов обладает неравномерностью, возникающей в силу таких факторов, как географические, природно-климатические, исторические и т. д. Более того, территориальные диспропорции нередко являются стимулом для очередного этапа развития, которое осуществляется в основном следующим образом: в отдельных центрах сосредотачиваются новейшие технологии, творческая и подготовленная часть трудового потенциала. Постепенно эти центры становятся «полюсами роста», так как техногенное влияние и скачок эффективности от них распространяется вширь, на периферию, что, в конечном счете, ведет к ослаблению контрастов между регионами страны [12].

С переходом к рыночным экономическим отношениям меняются роль и значение рынка в региональном воспроизводственном процессе. Пропорции воспроизводственного процесса

формируются через воздействие рыночных инструментов регулирования цены, налоги, проценты за кредит и др.

Одним из основных аспектов государственного управления территориальным развитием стран останется сохранение политики бюджетного выравнивания и бюджетной поддержки депрессивных территорий, что предполагает определение конкретных комплексных проектов развития для этих регионов. Вторым, не менее значимым в этом вопросе аспектом будет ориентация государства в управлении территориями на принцип «поляризованного» или «многополярного» развития.

В России, например, согласно разработанной Минрегионразвития РФ Концепции «поляризованного развития» страны, предполагается выделение бюджетных средств так называемым «опорным» территориям, депрессивные же регионы будут получать деньги в основном на исполнение социальных обязательств перед гражданами РФ. «Регионы-чемпионы» должны помочь развитию экономически слабых соседних территорий, что позволит на практике реализовать принцип субсидиарности в региональной политике [16].

Эта концепция находит отклик в программах стратегий социально-экономического развития и других стран СНГ [13]. Стремясь обосновать свою позицию, авторы концепции «поляризованного» развития ссылаются на опыт Китая, стран Евросоюза и Латинской Америки, где в том или ином виде был реализован принцип «сфокусированного» развития. Они исходят из того, что процессы новой регионализации во многом определяются глобальным мировым курсом, который неизбежно проецируется и на территории стран СНГ.

Но поскольку российская Концепция Минрегионразвития – документ теоретический, ее реализация может привести к диаметрально противоположным последствиям: она может как поспособствовать экономическому росту и возрождению страны, так и стать одним из катализаторов ее деградации и распада. Главная опасность в том, что Концепция при всей своей кажущейся логической обоснованности может быть «хорошо» или «дурно» понятой (или дурно истолкованной – как кому нравится). «Хорошим пониманием» можно считать снятие с тех регионов, которые имеют наиболее высокий потенциал экономического роста, существующих в настоящее время дополнительных «экономических удавок», приоритетное

развитие в данных регионах специализированных программ и проектов, стимулирующих экономическую активность населения. «Плохим пониманием» – минимизацию издержек на «депрессивные регионы», которым оставляют ровно столько денег, чтоб «не умерли», фактическое деление регионов страны на регионы первого и второго сорта. Проще говоря, последствия реализации Концепции прямо будут зависеть от базового уровня, от которого пойдет отсчет. Если от того, что есть сегодня, и одним оставят как есть, а другим сократят по максимуму, то это одна ситуация, а если «опорным регионам» будут добавлять к тому, что есть сегодня, ни у кого не отнимая имеющегося, то это ситуация совершенно другая [11].

Теоретически решения, способствующие большей региональной поляризации, не всегда неэффективны, поскольку могут приводить к улучшению соответствующих экономических или социальных показателей во всех регионах. Наоборот, решения, направленные на сближение региональных показателей, могут в принципе обусловить тотальное ухудшение. Политика регионального выравнивания предполагает достижение социально-экономического равновесия между регионами только как долгосрочную тенденцию.

В Концепции «поляризованного» развития РФ говорится, что нужно найти порядка десяти точек развития (регионы, отрасли) и вкладывать в них средства. Тогда мы получим более равномерно рассредоточенные центры капитализации страны, что, с точки зрения авторов Концепции, приведёт к ускорению экономического роста. Именно в развивающихся регионах могут быть реализованы федеральные проекты, эффект от которых будет распространяться и на другие территории [11].

Необходимость повышения экономической эффективности региональных хозяйств стран СНГ ставит перед территориями новые задачи, прежде всего связанные с выбором конкурентоспособной индустриальной модели региональной экономики, позволяющей максимально использовать существующий потенциал (т.к. страны СНГ пока находятся на позднеиндустриальной стадии развития хозяйства). Рассмотрим варианты таких моделей ниже.

Существует большое количество различных теорий формирования и развития конкурентоспособности, одной из которых является теория кластерного управления экономикой и производством.

Возможно, что именно отраслевые и региональные кластеры станут своеобразными «полюсами роста» для экономик стран СНГ. Поэтому более подробно остановимся на этой теории, так широко используемой в развитых странах (классическими примерами успешных кластеров являются группы компаний в области информационных технологий в Силиконовой долине (США), телекоммуникаций в Хельсинки (Финляндия) и т. д.). Для начала обратимся к содержанию определения кластера.

Американский ученый Майкл Портер, специалист в области кластеров, даёт следующее определение этому понятию: «кластеры – это сосредоточения в географическом регионе взаимосвязанных предприятий и учреждений в границах отдельной области» [25].

Возникновение кластеров часто связано с такими обстоятельствами как доступ к сырьевым материалам, традиционные «know-how», специфические требования определенной (географически ограниченной) группы компаний или потребителей, дислокация фирм или предпринимателей, использующих важные технологические инновации. После возникновения первоначального ядра постепенно устанавливаются более широкие связи: появляется сервисная сеть, специализированные поставщики и определенный сегмент рынка труда. Следующим шагом может быть возникновение бизнес-ассоциаций, образовательных учреждений и других организаций, обслуживающих в возникающем кластере ряд фирм.

В экономической литературе имеются различные подходы к проблемам возникновения и развития кластеров. В концепции индустриальных округов, созданной на основе изучения итальянского опыта, основной упор делается на непрерывное осуществление инноваций. Американские исследователи изучавшие опыт Кремниевой долины, особое внимание обращают на взаимодействие таких факторов, как вертикальная дезинтеграция фирм, сокращение транзакционных издержек, специализация местного рынка труда. Шведские исследователи, принадлежащие к школе экономики знания, подчеркивают большое значение инноваций как основы конкурентных преимуществ государства регионов и фирм. Инновация рассматривается в качестве сложного интерактивного процесса приобретения знаний, имеющего, как правило, локализованный характер. Подчеркивается, что некоторые важные виды знаний носят неформальный характер

и в силу этого при их передаче необходимо учитывать также социальный и территориальный аспекты. В то время как информация распространяется в условиях глобализации современной экономики достаточно легко, знание по-прежнему остается локализованным [2].

Таким образом, обобщая мировой опыт и толкование сущности концепции кластеров упомянутыми, а также другими авторами, можно сформулировать в общем виде следующее определение: кластер – это территориально-отраслевое добровольное объединение предприятий, которые тесно сотрудничают с научными учреждениями и органами местной власти с целью повышения конкурентоспособности собственной продукции и экономического роста региона.

Кластеры могут объединять предприятия и учреждения как отдельных регионов, так и разных стран для повышения эффективности их деятельности, роста производительности труда и качества продукции, стимулирования конкуренции и инноваций, содействия формированию новых предприятий с учетом их выгодного географического расположения. Кластеры позволяют предприятиям более гибко реагировать на смену условий ведения бизнеса.

Концепция кластерного управления региональной индустрией особую роль приобретает в связи с усилением роли в социально-экономическом развитии регионов внешнеэкономической деятельности. Она позволяет определить через призму внешнеэкономической конкурентоспособности приоритетные отрасли, способствующие повышению индустриальной конкурентоспособности выявить факторы и элементы, воздействующие на степень развития конкурентных преимуществ.

Основными аргументами в пользу использования кластерного метода организации и управления региональной индустрией являются:

- 1) высокая согласованность с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ;
- 2) эффективное обеспечение функционирования межотраслевых связей; распространение технологий, навыков и информации;
- 3) возможность осуществления внутренней специализации и стандартизации; увеличение производительности труда;
- 4) минимизация затрат на внедрение инноваций; наличие в структуре кластеров гибких предпринимательских структур – малых предприятий, способствующих формированию ин-

новационных «точек роста» за счет высокой степени специализации при обслуживании конечного производства;

5) возможности эффективного обмена идеями между специалистами, а следовательно формирование конкурентной среды;

6) кластерный анализ может послужить основой для конструктивного диалога между предпринимателями и властью с целью выявления общих проблем, инвестиционных возможностей, корректировки промышленной и формирования инновационной политики региона [2].

Конечно, если использовать термин «кластер» применительно ко всем процессам концентрации производства, то термин неизбежно потеряет всякий смысл. Поэтому, например Пилипенко И.В., предлагает разделять кластеры по наличию в них географической составляющей, на непространственные, к которым относятся промышленные и национальные кластеры и на пространственные, к которым относятся региональные, трансграничные и локальные кластеры [18].

Региональный кластер может существовать при наличии трех основных составляющих:

1) лидирующих фирм, выпускающих конкурентную продукцию и экспортирующих ее за рубеж

2) сети поставщиков, обеспечивающих бесперебойное производство конечной экспортной продукции (именно от уровня развития и качества работы обслуживающих предприятий зависит благополучие кластера в целом);

3) бизнес-климата или внешней и внутренней конкурентоспособности предприятий кластера, включающей в себя качество трудовых ресурсов, возможность доступа к инвестиционным потокам, уровень налогообложения, наличие административных барьеров, уровень развития инфраструктуры в регионе базирования кластера, регионального научно-исследовательского потенциала и т. д. [5].

Применительно к странам СНГ и их регионам существует ряд условий как способствующих, так и негативно влияющих на формирование кластеров. К позитивным условиям необходимо отнести существование технологической и научной инфраструктуры, психологическую готовность к кооперации, основанную на исторически сложившихся производственно-экономических связях. К негативным факторам относятся низкое качество бизнес-климата и уровня развития ассоциативных структур (торговых палат, промышлен-

ных ассоциаций), которые не справляются с задачей выработки приоритетов в развитии региональной экономики, широко используемый краткосрочный горизонт планирования, в то время как в случае кластерного управления реальные выгоды от развития кластера появляются только через 5–7 лет [2].

Вследствие невозможности на первом этапе формирования организовать максимальную региональную поддержку всем индустриальным кластерам, которые могут быть организованы в регионах стран СНГ, необходимо четко определить кластеры, формирование которых приоритетно, и всячески способствовать их развитию, причем это могут быть как экспортно- так и импортоориентированные кластеры. Формирование таких кластеров происходит на основе анализа региональных возможностей и оценки структуры внешнеторгового оборота региона или страны.

Теоретический опыт выделения региональных и промышленных кластеров уже сегодня имеется в России, Украине, Беларуси, Казахстане и других странах СНГ. Учеными этих стран разработан целый ряд подходов к критериям выделения и классификации кластеров, выделены и изучены зависимости между кластерным разделением регионов и отраслей по различным показателям, например, по развитию инвестиционного потенциала.

Кластерное разделение регионов достаточно сильно подчеркивает связь между показателем индекса инновационности и тем, насколько крупным является центр изучаемого региона, что подчеркивает значимость формирования крупных городов для развития инновационного потенциала региона. Например, экспертами российского ЦСР «Северо-Запад» было проведено сопоставление результатов распределения регионов по индексу инновационности и распределению технологических отраслей по регионам.

Были рассмотрены 10 наиболее технологических отраслей (согласно классификации технологичности, применяемой странами ОЭСР). На основе материала, полученного в результате индексирования, эксперты выделили 6 групп (кластеров) регионов России, характеризующихся разным уровнем инновационности. На основе этой классификации была создана карта российского инновационного пространства [23].

В кластеры первого и второго типа попали регионы-лидеры с наибольшим инновационным потенциалом. К этой категории было отнесено 9 субъектов Федерации – возможных

«полюсов роста» для экономики страны. Имея сравнительно одинаковый уровень инновационности, кластеры имеют существенное отличие. Кластер первого типа характеризуется высоким уровнем развития человеческого капитала, поэтому здесь производят больше новых знаний. К этой группе отнесены два федеральных центра – Москва и Санкт-Петербург.

Регионы второго кластера являются ведущими по «рыночной» составляющей инновационности, то есть там высок показатель коммерциализации разработок, используется наибольшее число передовых технологий, производится наибольшее число инновационной продукции (например, Нижегородская, Свердловская, Московская области, Республика Татарстан).

Регионы третьего кластера имеют более низкий интегральный индекс инновационности. Однако уровень показателей, характеризующих качество человеческих ресурсов и рыночную составляющую инновационности здесь примерно одинаков. В большинстве регионов данного кластера существуют крупные города, есть кадры для создания новых знаний (например, Республика Башкортостан, Ростовская, Ярославская и Омская области, Приморский край).

Регионы из четвертого кластера уступают третьему по индексу человеческих ресурсов и индексу создания новых знаний, однако по индексу вывода инновационной продукции на рынок находятся на уровне третьего кластера. Эти регионы можно охарактеризовать как процессинговые центры для производства наукоемкой продукции. В них производится продукция с использованием передовых технологий, но нет должного числа специалистов для создания новых технологий и знаний (например, Липецкая, Тюменская, Курская и Брянская области, Краснодарский и Красноярский края).

В пятом кластере собраны регионы, не относящиеся к числу лидеров ни по одному из показателей, однако имеющие шансы изменить ситуацию. Например, Курганской, Смоленской, Астраханской и Читинской областям, республикам Карелия, Саха-Якутия необходимо серьезно модернизировать как систему образования, так и производственную базу.

В шестом кластере оказались регионы, отстающие по всем показателям (например, республики Калмыкия – Хальмг Тангч, Алтай; Псковская и Магаданская области, а также автономные округа) [23].

Известно, что Россия в последние пять-шесть лет стремительно прогрессирует как инвестиционное пространство. Почти в два раза по сравнению с 2000 годом выросшая по размерам экономика более чем в два раза выросший консолидированный бюджет страны, огромный стабилизационный фонд, крупнейшие в мире резервы Центробанка. Плюс достаточно высокое внимание государства к стратегическим горизонтам планирования, плюс постоянно растущая оснащенность федеральной и региональной власти современными инвестиционными инструментами [22].

Очевидно, что подобный рост качества государства и бизнеса как инвестиционных партнеров должен привести Россию к реализации принципиально новых инвестиционных амбиций.

Объем инвестиционных проектов, которые будут реализованы в России до 2015 года совместными усилиями бизнеса и государства составляет более 400 млрд. долларов. Речь идет, по сути, о новой волне индустриализации страны – к такому выводу пришли участники IV Красноярского экономического форума «Индустриальная основа развития России» [22].

Российскими экспертами в течение 2006 года велись исследования всех инвестиционных планов всех крупных компаний — лидеров основных отраслей российской промышленности. Границей отсечения в исследовании была выбрана сумма в 100 миллионов долларов, меньшие по масштабу проекты в исследование не попали. Горизонт реализации большинства проектов укладывается в границы 2015 года, некоторые нефтегазовые проекты распространяются до 2020 года. В результате выявлена сумма инвестиционных планов – 400 миллиардов долларов. Это 304 инвестиционных проекта в одиннадцати основных отраслях российской индустрии.

И по числу проектов, и по суммам инвестиций здесь доминирует восточная часть страны. Отсюда следует, что российская экономика подошла к необходимости нового экономического обоснованного этапа инфраструктурной индустриального освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Всё это ни в коем случае не означает, что в европейской части страны до 2020 года будет меньше инвестиций, чем в Сибири и на Дальнем Востоке. Просто будущее европейской и азиатской частей страны по выбранному типу развития уже сегодня существенно различается, и это различие будет только усиливаться.

И здесь эксперты подходят к одному из принципиальных выводов исследования – будущее Сибири и Дальнего Востока связано скорее с новой индустриализацией, новым периодом инфраструктурного освоения, новым периодом разработки месторождений. Экономическое развитие в азиатской части страны – это капиталоемкий промышленный рост [22].

Развитие европейской части страны связано скорее с дальнейшей терциализацией, то есть с развитием экономики услуг и знаний вокруг крупных городов и транзитных центров. При гораздо большем количестве, чем на востоке, инвестиционных проектов они будут заметно менее капиталоемкими.

Если перейти к отраслевому анализу выявленного потенциала индустриального развития России, то можно выделить наиболее крупные тенденции, которые существенно повлияют на экономическую специализацию федеральных округов и помогут выделить промышленные кластеры, способные стать «полюсами роста» в регионах.

К примеру, в Центральном федеральном округе максимум инвестиционных проектов будет сосредоточен в энергетике – и это объяснимо и справедливо. Энергодефицит уже стал сдерживающим фактором развития агломерационной экономики европейской части страны.

Северо-Западному федеральному округу выявленные планы компаний сулят закрепление нефтегазовой специализации как одной из ведущих.

В Южном федеральном округе намечается серьезный рост инфраструктурной обеспеченности, из отраслей промышленности будут расти энергетика и химия.

В развитии Приволжского федерального округа наиболее заметными окажутся проекты в химии, энергетике и машиностроении.

Уральский федеральный округ продолжит наращивать нефтегазовую специализацию, заодно развивая инфраструктуру и энергетику.

Наиболее заметным фактором в инвестиционном развитии Сибирского федерального округа станет расширение нефтегазового сектора, а также следующего этапа его передела – химии. Все это будет сопровождаться развитием инфраструктуры [22].

В Дальневосточном федеральном округе развитие нефтегазового сектора будет происходить ещё быстрее, чем в Сибирском федеральном округе.

В цветной металлургии заявлено к реализации 35 крупных проектов на сумму более 23 мил-

лиардов долларов. По количеству проектов это одна из наиболее обеспеченных стратегическим видением отраслей. Несмотря на многочисленные проекты в цветной металлургии, центр тяжести в отрасли практически не изменится, оставшись в пределах Красноярского края, где также запланировано несколько крупных инвестиционных проектов в основном в алюминиевой и свинцово-цинковой промышленности.

Значительное количество инвестиционных планов имеется в черной металлургии и угольной промышленности – 50 проектов на 27 миллиардов долларов с расположением географического центра этих проектов на Урале.

Нефтегазовый комплекс планирует меньше по сравнению с металлургией количество проектов, но почти каждый из них уникален по сумме инвестиций – это 24 проекта на 145 миллиардов долларов, то есть каждый проект стоит в среднем по отрасли более 6 миллиардов. И это объяснимо: Россия вплотную подступила к необходимости осваивать или труднодоступные месторождения с неразвитой транспортной инфраструктурой или шельф.

Электроэнергетика страны – абсолютный лидер по количеству заявляемых инвестиционных проектов. Это 84 проекта на сумму более 62 миллиардов долларов. Совокупность их инвестиционных планов в сильной степени сконцентрирована в европейской части страны, ведь именно здесь наиболее остро стоит вопрос дефицита электроэнергии. Однако масштабные планы энергетиков вызывают максимум вопросов с точки зрения их практической реализуемости. Слишком много узких мест: где взять столько энергетического оборудования, цемент, строителей, инженеров, проектировщиков и так далее?

Химическая промышленность России переживает явное возрождение. Компании намерены реализовать в ближайшие годы 20 инвестиционных проектов на сумму 31,5 миллиарда долларов.

Значительно скромнее оснащены проработанными планами развития машиностроительные компании. Они заявили лишь 13 проектов на сумму в 6,4 миллиарда долларов.

Не впечатляет своими планами и лесопромышленный комплекс. Компаниями заявлено 30 проектов на сумму инвестиций в 13,6 миллиарда долларов. Разумеется, ресурсный и промышленный потенциал России позволяет надеяться на реализацию существенно больших инвестиционных планов лесопромышленных

компаний. Но пока не удаётся преодолеть направленность отрасли на первую стадию передела, капитал с трудом идет в лесопереработку и еще сложнее – в крупные целлюлозно-бумажные проекты.

Безусловно, выявленный в ходе исследования инвестиционный потенциал не является точной картой будущих «полюсов роста» российской экономики, даже несмотря на то, что в исследование включались только реальные инвестиционные планы реальных компаний. Конечно, часть этих проектов не будет реализована, зато будут реализованы некоторые другие, о которых экспертам и инвесторам пока ничего не известно [22].

Территориально развитие, основанное на формировании конкурентоспособных специализаций в региональной и мировой экономике, с учётом рационального и эффективного экономического потенциала и трудовых ресурсов отражено не только в государственной промышленной политике России, но и в политике других стран Содружества

В Казахстане также связывают развитие регионов с учетом формирования региональных и промышленных кластеров, способных стать своеобразными «полюсами роста» национальной экономики. Например, в республике разрабатываются мастер-планы развития пилотных кластеров, в том числе текстильного в Южно-Казахстанской области, металлургического в Карагандинской области, нефтегазового машиностроения в Западно-Казахстанской области, нефтегазового добывающего в прилегающих к Каспию регионах страны и ряд других [14].

Развитие кластерной модели поддержки регионального развития и отдельных отраслей промышленности используется и в Украине с целью объединения предпринимательских структур для выхода экономики страны из затяжного экономического кризиса. Например, в Хмельницкой области сегодня функционирует шесть кластеров: швейный, строительный, пищевой, туристический, продовольственный и сельского туризма. Все они были созданы при содействии Ассоциации «Подолье Первый» и международных программ экономического возрождения Подольского региона с соответствующей финансовой поддержкой Агентства международного развития США. Центрами объединения предпринимательских структур кластеры стали три разные по величине и географическому расположению территориальные единицы – г. Хмельницкий (областной центр), г. Каменец-

Подольский (центр района), смт. Грыцив, Шепетовского района (сельский центр).

С целью распространения кластерного опыта в регионах Украины Ассоциация «Подолье Первый» совместно с Институтом конкурентоспособности (г. Киев) разработала проект создания в Украине центров подготовки специалистов (в первую очередь из предпринимателей), которые смогли бы распространять опыт кластеризации в своих регионах и внедрять его на практике путем создания кластерных объединений в приоритетных для каждого конкретного региона отраслях промышленности. Первый такой центр уже создаётся в г. Хмельницкий [5].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что среди экономико-географов стран СНГ все больше находит признание точка зрения, что регионы, на территории которых складываются промышленные кластеры, становятся лидерами экономики, т. н. «полюсами роста» того или иного государства. Именно эти регионы начинают определять конкурентоспособность национальной экономики, а те географические точки, где нет кластеров, отходят на второй план и зачастую переживают самые тяжелые социально-экономические кризисы.

Современная концепция трансграничного сотрудничества в сфере регионального развития предлагает сегодня переосмыслить застарелые представления об административно-территориальном устройстве стран СНГ, доставшемся в наследство от советской системы, о жителях приграничных территорий, о развитии этих территорий, о присущих им проблемах и т. д. Ведь какие бы благородные цели ни преследовали государства, создавая и укрепляя свои рубежи, жители приграничных регионов оказываются в весьма невыгодном положении, испытывая на себе все тяготы ограничений, связанных с передвижением людей, товаров, капиталов и услуг. К тому же, находясь на задворках страны, они испытывают традиционное невнимание к ним со стороны центральных властей и становятся заложниками региональных социально-экономических диспропорций. Для самостоятельного же решения своих проблем чаще всего у них нет ни средств, ни возможностей. Как результат, многие регионы превращаются в депрессивные, отсталые территории. Между тем, от уровня развития этих территорий, от качества жизни зависит многое, в том числе и целостность рубежного государства.

На международном уровне для решения таких проблем, а также для выравнивания уровня развития европейских регионов, стирания границ между ними, с целью создания единой терпимой и процветающей Европы в 1980 году и была принята Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями, направленная на более тесное сотрудничество между приграничными регионами в сфере экономики, экологии, науки, культуры. Для этих целей в Европе были созданы и функционируют еврорегионы. Сегодня в Европе насчитывается более 100 таких еврорегионов [7].

Еврорегионы, как форма приграничного сотрудничества способствуют не только усилению и углублению добрососедских отношений между государствами, но и являются своеобразным инструментом для интеграции той или иной страны в международные структуры.

Для более ясного экономического географического представления о еврорегионе выделим определённые характерные условия сотрудничества сопредельных стран. Прежде всего, это наличие участка общей государственной границы и добровольное стремление сторон к углублению средне- и долгосрочной трансграничной кооперации через гармонизацию субрегиональных планов социально-экономического развития территорий. В качестве одного из дополнительных (и полезных) условий может быть указано наличие согласованного списка готовых к совместному выполнению проектов, реализация которых принесёт явно выраженный трансграничный эффект, что и является приоритетным для участников еврорегиона.

За последние 10 лет на постсоветском пространстве был создан целый ряд еврорегионов с участием России, Украины и Беларуси, которые могли бы в перспективе стать «полюсами роста» для экономик этих стран [1, 8, 24].

Российские территории в настоящее время входят в целый ряд еврорегиональных образований. Причем наиболее активным участником трансграничных союзов является, пожалуй, самая европеизированная часть России – её эксклав – Калининградская область. К примеру, в 1997 г. был основан еврорегион «Неман», членами которого являются 5 районов Калининградской области, Гродненская область Беларуси, Подляское воеводство Польши, Вильнюсский, Алитусский и Марьямпольский поветы Литвы.

В 1998 г. был создан еврорегион «Балтика» в составе Калининградской области (Россия),

округов Круноберг, Кальмар и Блекинге (Швеция), округа Борнхольм (Дания), Поморского и Варминьско-Мазурского воеводств (Польша), Клайпедского округа (Литва) и т.н. «Региона планирования побережья Балтийского моря» (Латвия). Среди целей создания еврорегиона – развитие инвестиционной активности и улучшение качества жизни населения.

С 1999 г. функционирует еврорегион «Сауле», в составе Неманского и Славского районов, города Славск (Калининградская область), Елгавского района (Латвия), Таурагского и Шауляйского уездов (Литва), ленов Сконе и Сёдерманланд (Швеция). В рамках региона осуществляется содействие совместным трансграничным проектам экономического развития в сферах промышленности, сельского и лесного хозяйства, транспорта, связи, обмена «ноу-хау», охраны окружающей среды, борьбы с преступностью.

В 1998 г. основан еврорегион «Карелия» в составе Республики Карелия (Россия), региональных союзов Северная Похьянмаа, Кайнуу и Северная Карелия (Финляндия). В рамках проекта создаются благоприятные условия для торговых взаимосвязей, развития лесного хозяйства и создания совместных предприятий (в настоящее время действует 232 карело-финских СП).

Упомянутый ранее еврорегион «Днепр» был создан в 2003 г. в составе Брянской области (Россия), Гомельской области (Беларусь) и Черниговской области (Украина). Среди направлений деятельности еврорегиона – обеспечение опережающего инновационного развития трех соседних областей за счет реализации совместных инвестиционно-инновационных проектов, углубление производственной кооперации, создание совместных предприятий и производств.

В 2003 в СНГ создан еврорегион «Слобожанщина» в составе Белгородской (Российская Федерация) и Харьковской (Украина) областей.

С 2004 действует еврорегион «Псков-Ливония», в который входят 5 районов Псковской области, 4 района Латвии и 3 уездных Союза самоуправления Эстонии.

Исторические соседи России – Украина и Белоруссия – участвуют, кроме уже названных, еще в целом ряде еврорегиональных образований. Например, в еврорегионе «Карпаты», созданном в 1993 г., куда входят 19 административных единиц Украины, Польши, Словакии, Венгрии и Румынии [15].

С 1995 г. действуетеврорегион «Буг» в составе Волынской области (Украина), Брестской области (Беларусь) и Люблинского воеводства (Польша).

Еврорегион «Беловежская пуца» создан в 2002 году, в него вошли три района Республики Беларусь и несколько территориально-административных единиц Польши [8].

Между тем, предельно очевидно, что многие институциональные преобразования, хорошо зарекомендовавшие себя в качестве регионально ориентированных механизмов западно и центрально-европейской интеграции, не могут быть в полной мере применимы к субъектам РФ в связи с невозможностью членства России или отдельных стран СНГ в Евросоюзе. В целом, можно констатировать, что система аргументации авторов-разработчиков и сторонников создания еврорегионов в приграничных регионах России, Беларуси и Украины является слабой, не строится на фундаменте современных европейских исследований и в значительной степени не учитывает динамику внутренне- и внешнеполитических изменений, равно как и региональные социально-экономические реалии [26].

Важным и необходимым фактором развития рыночных отношений в странах СНГ является привлечение в их экономику иностранных инвестиций. По общему правилу, сложившемуся в международных экономических отношениях, иностранные инвесторы приносят на территорию другого государства не только капитал, но опыт и знания, которые способствуют экономическому росту такой страны.

В последние годы одним из направлений реформ в странах, переходящих от централизованной плановой экономики к рыночному хозяйству, и, в частности России и других стран СНГ, стало формирование СЭЗ. Целью создания специальных экономических зон (СЭЗ) и введения на территориях приоритетного развития (ТПР) стран СНГ специального режима инвестиционной деятельности является привлечение инвестиций в приоритетные отрасли производства для создания новых рабочих мест и трудоустройства работников, которые высвобождаются в связи с закрытием, реструктуризацией убыточных предприятий, внедрение новых технологий, модернизация действующих производств, развитие внешнеэкономических связей, увеличение поставок на внутренний рынок высококачественных товаров и услуг, создание современной производственной,

транспортной и рыночной инфраструктуры, эффективное использование природных ресурсов [24]. Таким образом СЭЗ, возможно, в перспективе смогут стать «полюсами роста» на всём постсоветском пространстве (это доказывает, например, опыт СЭЗ в Китае).

Следует отметить, что в различных странах преобладают или иные виды экономических зон: зоны свободной торговли, предпринимательские зоны и технологические парки. Киотской конвенцией от 18 мая 1973 г. установлено два наиболее общих вида зон – это коммерческая и промышленная свободные зоны. Под коммерческой свободной зоной понимается зона, куда «товары допускаются для последующей продажи, их переработки и использование в производстве обычно запрещены». Промышленная зона подразумевает что «товары, допущенные к ввозу, могут быть подвергнуты разрешенным операциям по переработке». В последнее время преобладающей тенденцией в мире стал переход от создания преимущественно экспортно-ориентированных зон производственного назначения, целью которых в основном было пополнение валютных ресурсов соответствующих стран, к образованию технопарков (парков высоких технологий).

Всего, по имеющимся данным, с начала 90-х годов XX века в различных регионах России было учреждено 24 зоны с особым правовым режимом (СЭЗ «Янтарь» в Калининградской области, Санкт-Петербург, Выборг, СЭЗ «Садко» в Новгородской области, «Зеленоград» (Москва), аэропорт Шереметьево-2, Западный речной порт (Москва), Ингушетия, Кабардино-Балкария, Кавказские Минеральные Воды, аэропорт Ульяновск-Восточный, Кемеровская область, Алтайский край, СЭЗ «Алтай», СЭЗ «Даурия» в Читинской области, Сахалинская область, СЭЗ «Ева», СЭЗ «Находка» и др.) [4].

В Беларуси в постсоветский период также были созданы и приступили к своей непосредственной деятельности специальные экономические зоны «Брест», «Минск», «Гомель-Ратон», «Витебск», «Гродноинвест», «Могилев» и другие [24].

В Украине на сегодняшний день в 11 специальных (свободных) экономических зонах и на целом ряде территорий приоритетного развития в девяти регионах страны утверждены и осуществляются 427 инвестиционных проектов на общую сумму 1,656 млрд. долларов.

Между тем, судить сегодня об экономическом состоянии, в котором находятся СЭЗ стран

СНГ в настоящее время, их точном количестве и реальном функционировании весьма затруднительно. Так как общественность этих стран и потенциальные зарубежные инвесторы не получают объективной, подкреплённой статистическими обзорами и экспертными оценками информации как в целом о состоянии инвестиционного рынка в России и других странах Содружества, так и о положении дел в отдельных свободных (особых) зонах. Поэтому отнюдь не случайно у специалистов в области инвестиций и бизнесменов формируется мнение о том, что «эти зоны не работают». И как отмечается в научной литературе, положение СЭЗ в странах СНГ является весьма неустойчивым, в том числе и в связи с имеющимися упущениями и недостатками в правовом регулировании отношений, связанных с их созданием и функционированием [4].

Важнейшим элементом развития международных экономических отношений конца XX – начала XXI века является деятельность транснациональных корпораций (ТНК). Понятие ТНК включает в себя различные транснациональные структуры, в том числе финансово-промышленные группы (ФПГ), компании, концерны, холдинги, совместные предприятия, акционерные общества с иностранным участием [20].

В мировой глобализующейся экономике ТНК и ФПГ являются самыми мощными и влиятельными субъектами, финансовые возможности их нередко превышают ВВП ряда крупных государств. В ожесточённой конкуренции за ресурсы и рынки сбыта эти объединения, как правило, всегда выигрывают. Поэтому наращивание численности ТНК и ФПГ в странах СНГ, вовлечение в их состав всё большего количества хозяйствующих субъектов (сейчас их в СНГ всего 300, а во всём мире – 35–40 тысяч) является на сегодняшний день стратегической задачей правительств, предпринимателей, учёных и прогрессивной общественности СНГ.

Проблема создания новой системы функционирования предприятий базовых отраслей промышленности и их взаимодействия на экономическом пространстве Содружества сегодня вышла на первый план. Центральное место в системе взаимодействий промышленных комплексов стран СНГ предстоит в перспективе занять транснациональным ФПГ.

Формы существования транснациональных ФПГ Содружества в зависимости от типа их организационного строения могут быть вертикально-интегрированными – с предприятиями,

функционирующими по принципу замкнутой технологической цепочки; горизонтально-интегрированными, объединяющими предприятия с полным технологическим циклом в нескольких отраслях и охватывающими сопутствующие сферы деятельности; конгломеративными – образованными различными технологически не связанными между собой предприятиями при финансовом контроле со стороны управляющей или головной компании [20]. Всё это даёт им возможность стать не только национальными, но и транснациональными «полюсами роста» для экономики СНГ.

К примеру, в трансформационной экономике России с конца 90-х годов прошлого века действует более 100 ФПГ. Формирование концернов на основе интеграции отдельных звеньев одной технологической цепи произошло в нефтегазовом секторе («ЛУКОЙЛ», ЮКОС, «Сургутнефтегаз», СИДАНКО), машиностроении (АО «АвтоВАЗ», «Автосельхозмашхолдинг»), металлургии (например, концерн «Норильский никель»), «Уральские заводы» (г. Ижевск), «Сокол» (г. Воронеж), «Рухим» (г. Москва), «Скоростной Флот», «Интеррос» (г. Москва), «Объединённая промышленно-финансовая компания» (г. Рязань), «Носта-Трубы-Газ» (г. Новотроицк), «Нижегородские автомобили» (г. Нижний Новгород), Волго-Камская ФПГ (г. Набережные Челны) и других отраслях промышленности [21].

Одним из первых предприятий, созданных в рамках межгосударственного сотрудничества стран СНГ, является «Автосельхозмашхолдинг», в него первоначально входили 146 предприятий всех 12 стран. Началось создание межгосударственных ФПГ с участием российских предприятий, банковских и коммерческих структур в Украине («Международный мотор», ТАНАКО), в Казахстане («Интеррос»), всё большие масштабы приобретают инвестиции РАО «Газпром», НК «ЛУКОЙЛ», других нефтяных компаний и связанных с ними банков в Беларуси, Украине, Казахстане и других странах СНГ [21].

И всё же говорить о триумфальном шествии постсоветских ТНК по просторам СНГ пока не приходится. Становление многих корпораций идёт медленно, трудно. Мешают различия национальных законодательств, разная степень реформирования экономик, условия финансово-экономического взаимодействия и другие причины. К сожалению, в основополагающих документах СНГ вопрос о создании и развитии

ТНК не нашёл должного места. В СНГ не определён статус ТНК, из-за чего их становление происходит крайне медленно. Преодолеть эти трудности, отыскать пути соединения интересов – значит проторить дорогу одному из прогрессивных рыночных процессов в мировом хозяйстве, ведь на ТНК приходится сегодня свыше 6 трлн. долларов внешнего товарооборота, они являются «локомотивами» мирового хозяйства [6].

Особое место в индустрии стран СНГ занимают сегодня технопарковые структуры, формирующиеся на основе территориальной концентрации организаций народнохозяйственного комплекса с мощным интеллектуальным потенциалом и производством продукции на уровне мировых стандартов, способные со временем стать «полюсами роста» в экономиках стран СНГ.

Концепция промышленной зоны как средства индустриализации сформировалась в Великобритании в конце XIX века. В первой половине XX века промышленные зоны страны снабжаются коммуникациями, затем строительство фабрик в них принимает организованный характер. Развитием промышленных зон начинают заниматься частные девелоперы – в результате их усилий по облагораживанию и улучшению территории эти зоны становятся промышленными парками. Опыт правительств и фирм Великобритании, США, Канады перенимается странами Западной Европы, а затем в течение 1960-х гг. распространяется по всему миру. В 1970-х гг. число промышленных парков и промышленных зон резко возрастает. В настоящее время в более чем 90 странах мира функционируют более 20000 промышленных парков [10]. Что же представляет из себя промышленный парк сегодня?

Всякая организованная промышленная зона имеет статус промышленного парка, если обладает следующим набором отличительных признаков:

1) земля принадлежит или арендуется управляющей компанией и существует план развития территории;

2) присутствует качественная инженерная инфраструктура, управляющая компания помогает резидентам подключиться к коммуникациям, обеспечивает охрану территории, пожарную безопасность и т. д.;

3) управляющая компания помогает резидентам организовать свой бизнес, обладая некоторыми полномочиями по размещению

объектов в пределах промышленного парка и выступая посредником между инвестором и региональной администрацией; управляющая компания оказывает инвесторам набор деловых услуг (секретарские, курьерские, логистические, бухгалтерские, поиск персонала и т. д.);

4) управляющая компания согласовывает проекты зданий, управляет строительными проектами или даже предлагает в аренду собственные здания на территории парка [10].

Классические промышленные парки (США) – это агломерации наукоёмких фирм, группирующихся вокруг крупного университета, института, лаборатории с целью сокращения сроков внедрения научных идей в практику (наука – предпринимательство), располагающих специальной инфраструктурой, обладающих определёнными льготами. Технопарки, как правило, являются частью технополисов. Технополисами обычно называют научно-производственные городки вблизи крупных промышленных центров (наука, предпринимательство, производство, подготовка кадров) [10].

Одной из важнейших целей создания технопарков в странах СНГ является сохранение научно-технического потенциала, использование мощностей ВПК. Российская модель технопарков связана со специализацией на термоядерном синтезе, композиционных материалах, аэрокосмической технике, военных технологиях («Российская кремниевая долина» (г. Зеленоград), «Экотехнополио» (г. Троицк, Московская область), «Информград» (г. Обнинск, Калужская область), «Заречный» (п. Заречный, Свердловская область), «Сибирский технополио» (г. Новосибирск)) [19].

В Казахстане также планируется создание и развитие сети технологических парков и технологических бизнес-инкубаторов по приоритетным направлениям, в том числе с международным участием. Будет активизирована инновационная деятельность в регионах, где к концу 2008 года будет действовать не менее 6 региональных технопарков, 12 технологических бизнес-инкубаторов и элементов вспомогательной инфраструктуры (сервисно-технологических центров) [14].

Таким образом, в настоящее время промышленные парки являются наиболее перспективной формой для развития регионального малого и среднего предпринимательства. Между тем, до сих пор в национальных законодательствах многих стран Содружества

не зафиксировано понятие «промышленный парк» и его статус. По мнению предпринимателей этих стран, это существенно тормозит развитие промышленных парков, и, к тому же, зачастую вызывает не совсем верную реакцию со стороны надзорных и правоохранительных органов.

В заключение отметим, что при проведении разумной промышленной политики и внедрении в национальные экономики таких рыночных форм организации производства (способных стать «полюсами роста»), как промышленные и региональные кластеры, «еврорегионы», ТНК и ФПГ, СЭЗ, промышленные

парки, технополисы технопарки, совместные предприятия и т. п., усилится роль столичных и крупнейших региональных центров, где сосредоточены научные кадры и финансовые ресурсы. С другой стороны, усилится тенденция распространения «полюсов роста» в сырьевые, портовые и приграничные регионы стран СНГ. В результате экономического развития этих центров их техногенное влияние и скачок эффективности будет распространяться вширь, на периферию, что в конечном счёте приведёт к ослаблению контрастов между регионами в странах СНГ и между самими странами Содружества

Библиографический список

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. – М. – Волгоград, 2002. – С. 294–295.
2. Блудова С. Н. Региональные кластеры как способ управления внешнеэкономическим комплексом региона. – Вестник СевКавГТУ. – Серия «Экономика». – 2004. – № 2.
3. Бурмистрова А. А. Асимметрия пространственного размещения воспроизводственных сил в национальном хозяйстве России. Автореф. канд. эконом. наук. – Тамбов, 2007. – 40 с.
4. Васильев Л. СЭЗ: мифы и действительность // Биржевые ведомости. – 1995. – № 1–2.
5. Войнаренко М.П. Особливості навчання та підготовки фахівців для роботи у кластерних структурах / Нові виробничі системи і економічний розвиток України. Матеріали економічного самміту, м. Луцьк, 30 січня 2003 р. – Київ: ВЦ «СОФІЯ-А», 2003. – С. 48–54.
6. География мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. – Москва–Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – С. 177–188.
7. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития. – М., 2001; Bramanti, A. and R. Ratti. Towards a Europe of the Regions. Opportunities and Challenges of Trans-boundary Economic Cooperation. – Milan, 1993
8. Еврорегионы с участием России, Украины и Беларуси / Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – 02.09.07.
9. Ехануров Ю. Вопросы приоритетов в сфере производства – вопрос выживания // Бизнес. – 2003. – № 32.
10. Информационное агентство DAILYSTROY/ Промышленные парки: prompark@dailystroy.ru – 11.10.06.
11. Кынев А. «Полюса роста» и «мёртвые зоны». Что сулит России новая концепция социально-экономического развития регионов // Независимая газета. – 2005. – 16 сентября.
12. Княгинин В., Щедровицкий П. Промышленная политика России. – М., 2005. – 159 с.
13. О дальнейших мерах по реализации Стратегии развития Казахстана до 2030 года, Указ Президента Республики Казахстан от 30 марта 2006 года № 80 // Казахстанская правда. – 2006. – 1 апреля. – № 75–76.
14. О стратегии индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы. Указ от 17 мая 2003 года № 1096. – СААП Республики Казахстан, 2003. – № 23–24.
15. Перстнева Н. Трансграничное сотрудничество, или украинский опыт еврорегионов. <http://ru.proua.com/news/2006/11/01/000405.html> / 15–21.07.2000.
16. Перельгин Ю. Политика поляризованного развития // Экономика России: XXI век. – 2006. – № 20.
17. Перельгин Ю., Княгинин В. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе // Российское экспертное обозрение. – №1–2 (20) «Россия: карты будущего».
18. Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? Материалы XXIII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества. Липецк, 2–5 июня 2006 г. – Москва, 2006. – С. 30.
19. Российская Федерация. Социально-экономическая география : Уч. пособие для студентов педвузов / Под общей ред. А.В. Волгина. – М.: Школьная пресса, 2001. – С. 162-163.
20. Страны СНГ в условиях глобализации. Материалы студенческой научной конференции. – М.: «ЭКОН-ИНФОРМ», 2004. – С. 238.
21. Трансформационная экономика России : Учеб. пособие / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2006. – С. 307–310.
22. Хлопонин А. Плюс индустриализация всей страны. Энергия промышленного роста. – 2007. – № 3.
23. ЦСР «Северо-Запад» составил инновационную карту России / Проект ЦСР «Северо-Запад»: Анализ перспектив технологического развития регионов России в рамках проведения научно-технологического форсайта РФ / <http://www.csr-nw.ru>. 13.09.07.
24. Экономика региона : Учеб. пособие / Под ред. В.И. Борисевича. – Минск: БГЭУ, 2002. – С. 328–333.
25. Porter Michael E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. – 1998. – November-December. – Г. 77–90.
26. Reut, O., 2000. Republic of Karelia: A Double Asymmetry or North-Eastern Dimensionalism. COPRI Working Paper 13. Copenhagen: Copenhagen Peace Research Institute.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

E-mail: almah@mail.ru

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики

E-mail: mkrtchan2002@rambler.ru

Пикулин Алексей Юрьевич – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

E-mail: pler@mail.ru

Пименова Раиса Андреевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Часовский Владимир Иванович – кандидат географических наук, доцент, докторант кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

E-mail: chasovsky@rambler.ru

Шведов Вячеслав Геннадьевич – доктор географических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной, экономической и политической географии Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии, г. Биробиджан

E-mail: i-svg@yandex.ru, birnauka@mail.ru

Яковлева Светлана Ивановна – доктор экономических наук, кандидат географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии Тверского государственного университета

E-mail: Svetlana.Yakowleva@tversu.ru

